

Джон Стейнбек

**Путешествие с Чарли
в поисках Америки**

1960

Стейнбек Д. Э.

Путешествие с Чарли в поисках Америки / Д. Э. Стейнбек — 1960

...В субботу 23 сентября 1960 года Стейнбек на грузовом автомобиле отправился в путешествие по Америке. В качестве компаньона он взял с собой пуделя Чарли. Он пересек всю страну с востока на запад – от штата Нью-Йорк до штата Вашингтон, проехал на юг по Калифорнии и вернулся домой через Аризону, Нью-Мексико, Техас, Луизиану, Миссисипи, Алабаму, Теннесси, Виргинию. В результате этой поездки появилась книга «Путешествие с Чарли в поисках Америки». Нарисованная писателем картина Америки фрагментарна и неполна, как фрагментарно и неполно увиденное и услышанное им в дороге. Но из этих фрагментов, зарисовок, отрывочных наблюдений складывается мозаичная картина американской жизни на рубеже шестидесятых годов XX века. Из наблюдений и размышлений путешественника перед читателем постепенно вырастает картина современной ему Америки, огромной страны, лишенной главного – достойной ее цели.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джон Стейнбек

Путешествие с Чарли в поисках Америки

Часть первая

Когда я был еще совсем молодой и мне не давала покоя тяга закатиться куда-нибудь туда, где нас нет, люди зрелые уверяли меня, будто в зрелости от этого зуда излечиваются. Когда мой возраст подошел под эту мерку, в качестве целебного средства мне пообещали пожилые годы. В пожилые годы я услышал заверения, что со временем моя лихорадка все-таки пройдет, а теперь, когда мне стукнуло пятьдесят восемь, остается, видимо, уповать на глубокую старость. До сих пор ничего не помогало. От четырех хриплых паровозных гудков шерсть у меня на загривке встает дыбом, ноги сами собой начинают притоптывать. Услышу рев реактивного самолета, прогревание мотора, даже цоканье копыт по мостовой, и сразу – извечная дрожь во всем теле, сухость во рту, блуждающий взор, жар в ладонях и желудок подкатывает куда-то под самые ребра. Иначе говоря, выздоровления не наблюдается; проще говоря – бродягу могила исправит. Боюсь, что болезнь моя неизлечима. Я толкую об этом не в назидание другим, а себе самому для сведения.

Когда вирус непоседливости проникает в беспокойную человеческую душу и дорога Прочь Отсюда кажется такой прямой, широкой и заманчивой, жертве этого вируса надлежит прежде всего найти у самой себя веские основания для отъезда. Бродягу-практика это не затруднит. Таких оснований у него целый вагон – выбирай любое. Далее ему надо спланировать свою поездку во времени и в пространстве, наметить ее маршрут и конечную цель. И наконец – внести полную ясность в вопрос: как ехать, на какой срок, что с собой брать. Эта часть процесса неизменна и пребудет во веки веков. Упоминаю о ней только для того, чтобы новобранцы в бродяжем войске не вообразили, подобно молокососам, впервые ступившим на стезю греха, будто они сами тут все изобрели.

Как только маршрут обдуман, снаряжение готово и вы двинулись в путь, обретает силу некий новый фактор. Всякая поездка, экспедиция, вылазка на охоту существует сама по себе, отличная от всех прочих. У каждой свое лицо, свой нрав, темперамент, они неповторимы. Путешествие – это индивидуальность, двух одинаковых не бывает. И все наши расчеты, меры предосторожности, ухищрения, уловки ни к чему не приводят. После долголетней борьбы каждому становится ясно, что не мы командуем путешествиями, а они – нами. Специалисты по составлению маршрутов, предварительные заказы билетов и гостиничных номеров, график, железный, нерушимый... все и вся разбивается вдребезги, столкнувшись с индивидуальностью вашей поездки. И чистокровный бродяга только тогда сможет поладить с ней и вздохнуть свободно, когда твердо это усвоит. И только тогда ему не будет угрожать крушение надежд. В этом смысле путешествие похоже на семейную жизнь. Вы непременно попадете впросак, если будете думать, что тут все зависит от вас.

Ну вот, я высказался до конца, и мне сразу полегчало, хотя поймут меня только те, кто испытал все это на собственной шкуре.

Мой план был как будто ясен, четок и вполне разумен. За долгие годы жизни я побывал во многих странах. В Америке я живу в Нью-Йорке, бываю наездами в Чикаго и Сан-Франциско. Но Нью-Йорк не Америка, так же как Париж не Франция и Лондон не Англия. И вот я вдруг обнаружил, что не знаю своей собственной страны. Я – американский писатель, пишущий об Америке, – работаю, полагаясь только на память, а память и в лучшем-то случае источник ненадежный, того и гляди получится перекосяк. Я давно не слышал говора Америки, не вдыхал запаха ее трав, деревьев, ее сточных вод, не видел ее холмов, рек и озер, ее красок, ее теней и

света. О переменах, которые произошли в ней, мне известно только из книг и газет. Но мало того, за последние двадцать пять лет у меня исчезло ощущение, какая она, эта страна. Короче говоря, я писал о том, о чем не имел понятия, а по-моему для так называемых писателей в подобной практике есть нечто преступное. Разрыв в двадцать пять лет сделал свое дело – воспоминания мои порядком оскудели.

Когда-то я путешествовал в хлебном фургоне – допотопном рыдване с двустворчатой дверью, с матрасом на полу. Я останавливался там, где останавливались или собирались люди, слушал, смотрел, старался все почувствовать, и в результате у меня возникла картина нашей страны – картина, точности которой могли помешать только мои собственные несовершенства.

И я задумал снова все увидеть своими глазами и попытаться открыть заново эту огромную страну. Только так, казалось мне, можно нащупать истину в каждом отдельном случае и поставить диагнозы, которые лягут в основу истины большего охвата. Но тут возникало одно серьезное затруднение. За последние двадцать пять лет мое имя приобрело более или менее широкую известность. А я на собственном опыте убедился, что, если люди знают вас с хорошей ли, с дурной ли стороны, их словно подменяют. Робея или испытывая иные ощущения в присутствии известной личности, они становятся сами на себя не похожи. А поскольку это так, мое имя и мою известность лучше было забыть дома. Я решил превратиться в странствующие глаза и уши, стать чем-то вроде чувствительной фотопластинки. Мне нельзя было оставлять свою подпись в гостиничных регистрационных книгах, встречаться со знакомыми, брать интервью у кого бы то ни было и даже о чем-нибудь дотошно расспрашивать. Мало того, когда вас двое-трое, нарушаются ваши личные взаимоотношения с окружающей средой. Ехать мне надо было одному и только на самого себя и полагаться. Словом, я превращался в черепаху, которая слоняется с места на место и несет на спине собственный дом.

Уяснив себе все это, я написал письмо в дирекцию одной крупной фирмы, выпускающей грузовики. В письме были подробно изложены мои намерения и надобности. Мне требовался пикап грузоподъемностью в три четверти тонны, повышенной проходимости в расчете на плохие дороги, и на этом грузовичке я просил сделать домик – нечто вроде кабины моторного катера. Прицеп затрудняет маневренность в горах, на стоянке его не оставишь, тем более что это в большинстве случаев противозаконно, и вообще на прицепы распространяется слишком много всяких запретов. В свой срок пришел проект машины со спецификацией оборудования. Мне предлагали выносливый, удобный, быстроходный грузовик с высоким крытым кузовом – с домиком, где было все: широкая кровать, плита на четыре конфорки, отопительный прибор, холодильник и освещение на бутане, химизированная уборная, чуланчик, помещение для продуктов и сетка на окнах от насекомых – словом, то, что мне и требовалось. К концу лета машину пригнали в Сэг-Харбор на самой оконечности острова Лонг-Айленд, где стоит мой рыбачий коттедж. Я думал выехать только после Дня труда¹, когда жизнь в нашей стране входит в обычную колею, а пока что к моему черепашьему панцирю надо было привыкать, его надо было снарядить и изучить как следует. Пикап прибыл в августе – красавица машина, мощная и в то же время приемистая. Управлять ею было почти так же просто, как легковой. И поскольку затейное мною путешествие вызвало ряд саркастических замечаний со стороны моих друзей, я назвал ее Росинантом, а вы, разумеется, помните, что так звали лошадь Дон Кихота.

Я не считал нужным держать свой замысел в тайне, и между моими друзьями и советчиками разгорелись споры. (Советчики в таких случаях плодятся косяками.) Меня предупреждали, что, поскольку издательства постарались как можно шире распространить мою фотографию, я и шагу не смогу ступить, не будучи узнанным. Скажу наперед, что я проехал десять тысяч миль, побывал в тридцати четырех штатах, и меня ни разу никто не узнал. По всей вероятности, вещи воспринимаются только в определенном контексте. Люди, которые могли

¹ День труда празднуется в США в первый понедельник сентября

бы догадаться, кто я такой, в моем обычном, по их понятиям, окружении, за рулем Росинанта меня не узнавали.

Мне указывали, что слово «Росинант», выведенное на борту моего пикапа испанским шрифтом шестнадцатого века, привлечет к себе внимание в некоторых местах и вызовет расспросы. Не знаю, многим ли имя Росинант что-то говорило, но меня об этом никто не спрашивал.

Далее, мне было сказано, что разъезды по стране какой-то неизвестной личности да еще с неизвестными целями могут показаться подозрительными и, чего доброго, приведут к расследованию. Тогда я развесил по стенам моего пикапа две винтовки, охотничье ружье и несколько удочек, зная по опыту, что, если человек едет на охоту или рыбную ловлю, такие поездки ни у кого не вызывают сомнений и даже всячески приветствуются. На самом же деле моим охотничьим подвигам давно пришел конец. Если я теперь кого-нибудь убиваю или ловлю, то лишь затем, чтобы положить свою добычу на сковородку. Годы мои не те, чтобы превращать убийство в спорт. Вся эта бутафория оказалась совершенно излишней.

Говорили мне, что нью-йоркский номерной знак на машине вызовет интерес, а может, и вопросы, за неимением у меня других опознавательных примет. И так оно и было раз двадцать – тридцать за всю поездку. Но эти беседы протекали все на один лад. Примерно в таком роде:

Местный житель. Из Нью-Йорка, хм?

Я. Точно.

Местный житель. Я там был в тысяча девятьсот тридцать восьмом году... Или в тридцать девятом? Элис, когда мы ездили в Нью-Йорк – в тридцать восьмом или тридцать девятом?

Элис. В тридцать шестом. Я прекрасно помню, потому что в том году Альфред умер.

Местный житель. Ну, все равно – мерзостный город. Приплати мне – не согласился бы там жить.

Немало всех беспокоило и то обстоятельство, что еду я один – нападут, ограбят, избьют. На дорогах у нас, как все знают, небезопасно. Должен сознаться, что признаки малодушия ни с того ни с сего появились и у меня. Давно уж мне не приходилось испытывать чувство одиночества, оставлять где-то позади и свое имя, и друзей, и ту надежную опору, которую ощущаешь в семье, в близких людях, в единомышленниках. Опасность трудно представить как нечто реальное. Просто на первых порах чувствуешь себя таким сиротливым, беспомощным – словом, одному бывает тоскливо. Поэтому я решил, что мне нужен спутник, и взял с собой одного пожилого господинчика французской национальности – пуделя по имени Чарли. Полностью его зовут Charles ie chien². Он родился в Берси, на окраине Парижа, обучался во Франции, знает немного пуделиный английский, но быстро реагирует только на те приказания, которые отдают по-французски. С английского ему приходится переводить, и это замедляет реакцию.

Чарли очень крупный пес, мастью bleu³, и, когда его вымоют, он действительно голубой. Он прирожденный дипломат. Переговоры всегда предпочитает дракам и правильно делает, ибо драки – не его призвание. За десять лет своей жизни он только раз попал впросак, наткнувшись на пса, который отказался вступить в переговоры. Чарли потерял тогда кусочек правого уха. Но как сторож он вполне на высоте – у него львиный рык, рассчитанный на то, чтобы сокрыть от ночных бродяг тот факт, что ему и бумажного пакетика не прокусить! Чарли – добрый друг и отличный дорожный товарищ, путешествия для него самое разлюбленное дело, лучше которого ничего и не придумаешь. Упоминания о Чарли будут часто попадаться на этих страницах, потому что он способствовал успеху моей поездки. Собака, особенно такая экзотическая на вид, служит связующим звеном между незнакомыми людьми. Мало ли разговоров в пути начиналось с вопроса: «А что это за порода такая?»

² Пес Шарль (франц.)

³ голубой (франц.)

Техника завязывания бесед повсеместно одна и та же. Я и раньше знал, а теперь открыл заново, что наивернейший способ завладеть чьим-нибудь вниманием, получить помощь, заставить собеседника развязать язык – это признаться, что ты не знаешь дороги. Человек, который способен пнуть ногой в живот умирающую с голоду родную мать, потому что она мешает ему пройти, часами с величайшей охотой будет давать указания первому встречному (причем совершенно неправильные), когда тот признается, что сбился с пути.

Под могучими дубами Сэг-Харбора, возле моего рыбацкого коттеджа, с независимым видом возвышался красавец Росинант, и соседи (некоторых мы и знать не знали) приходили полюбоваться им. В их глазах я читал нечто такое, что потом мне пришлось замечать повсюду, во всех уголках нашей страны: это было жгучее желание уехать, сдвинуться с места, пуститься в путь-дорогу, куда – неважно, лишь бы прочь отсюда. Они сдержанно говорили, что хорошо бы когда-нибудь сняться с якоря, уехать и разъезжать себе, куда захочется, и не в погоне за чем-нибудь, а просто так, лишь бы подальше от того, что здесь. Такое я подмечал и такое слышал везде, в каждом штате, где мне пришлось побывать. Чуть ли не каждый американец стремится куда-то вдаль. Один мальчик лет тринадцати приходил к нам ежедневно. Он робко стоял в сторонке и глазел на Росинанта; он заглядывал внутрь фургона и даже ложился на землю, чтобы получше рассмотреть его мощные рессоры. Мальчик этот был маленький, молчаливый и неотступный. Он приходил любоваться Росинантом даже по вечерам. Выдержки ему хватило только на неделю. Мужество отчаяния (была не была!) одолело робость. Он сказал:

– Возьмите меня с собой, я... я все буду делать. Стряпать буду, посуду мыть – любую работу. И за вами буду ухаживать.

Увы, его томление было так понятно мне.

– Кабы можно, я бы тебя взял, – ответил я ему. – А школьный совет? А твои родители и мало ли кто еще? Они известно что скажут: «Нельзя!»

– Я все буду делать, – повторил он.

И сомневаться в этом не приходилось. По-моему, он только тогда сдался, когда я двинулся в путь так и не взяв его с собой. Этот мальчик лелеял ту же мечту, что сопровождала всей моей жизни, а исцеления от нее нет.

Хлопоты по снаряжению Росинанта заняли немало времени и были очень приятны. Я брал с собой чересчур много всего, но как знать, что тебя ждет в дороге? Инструменты и орудия на все случаи жизни; буксирный трос, небольшую лебедку, лопату и ломик – вдруг понадобится починить, наладить, наскоро соорудить что-нибудь. Затем – аварийный запас провизии. На северо-запад я попаду к концу года, в снежные заносы. Надо быть готовым к тому, что застрянешь где-нибудь по крайней мере на неделю. С водой дело обстояло просто: у Росинанта имелся бачок на тридцать галлонов.

Не исключено, что дорбгой я буду писать. Очерки? Может быть. Путевые заметки? Наверное. Письма? Безусловно. Поэтому были взяты запасы бумаги, копирка, пишущая машинка, карандаши, блокноты, а в придачу еще и словари, краткая энциклопедия и с десятков других справочников, весьма увесистых. Наши возможности по части самообольщения поистине безграничны. Мне ли не знать, что записи я веду редко, а если веду, то потом все равно все теряю или ничего не могу в них разобрать. Кроме того, за тридцать лет писательской работы пора было убедиться, что писать о чем-нибудь по горячим следам я не умею. Материал должен перебродить во мне. По выражению одного моего приятеля, я долго «жую жвачку», прежде чем взяться за перо. И вот, несмотря на столь доскональное знание самого себя, я погрузил в Росинанта такое количество всяких письменных принадлежностей, какого хватило бы, чтобы написать десять томов. Туда же пошло фунтов полтора книг из тех, что все как-то недосуг прочитать, и это были, конечно, такие книги, на которые досуга никогда не хватит. Консервы, патроны для дробовика, пули, наборы инструментов, кипы всякой одежды, подушек, одеял и несусветное количество башмаков, сапог, теплого нейлонового белья для минусовой темпера-

туры, пластмассовые тарелки и чашки, пластмассовый таз для мытья посуды, запасной баллон с газом. Рессоры перегруженной машины охали и садились все ниже и ниже. Словом, теперь я знаю, что поклажи у меня было раза в четыре больше, чем требовалось.

Что касается Чарли, то этот пес – специалист по чтению чужих мыслей. Ему приходилось много путешествовать в жизни, а когда надо, и сидеть дома. Он догадывается, что мы собираемся в путь, задолго до того, как выносят чемоданы, и начинает слоняться из комнаты в комнату, и места себе не находит, и скулит, и то и дело закатывает легкие истерики, даром что старик. Все эти недели, пока шла подготовка к моему отъезду, Чарли только и знал, что путался у нас под ногами, и надоел нам хуже горькой редьки. Потом завел моду прятаться в грузовике – шмыгнет туда и прикинется маленьким-маленьким.

Приближался День труда, тот славный день, после которого миллионы ребят снова засядут за парты, а десятки миллионов родителей разгрузят от своих машин шоссе и дороги. Я собирался выехать после этого праздника, и по возможности скорее. И тут вдруг выяснилось, что с Карибского моря прямо на нас прет ураган «Донна». Живя на самом кончике Лонг-Айленда, мы отнеслись к этой вести с величайшей почтительностью, так как знаем по опыту, что это такое. В ожидании приближающихся штормов у нас все бывает готово к осаде. Наш маленький залив защищен не плохо, но и не очень хорошо. «Донна» подкрадывалась к нам, а я тем временем заправил все керосиновые лампы, подготовил колодезный ручной насос и привязал все, что имеет способность двигаться. У меня есть моторная лодка в двадцать два фута длиной, с кабиной, по имени «Прекрасная Элейн». Я задраил на ней иллюминаторы и дверь, вывел на середину залива, сбросил за борт тяжелый старинный якорь, а цепь в полдюйма диаметром отпустил подлиннее, чтобы обеспечить лодке свободу циркуляции. Так она сможет выстоять против штормового ветра в сто пятьдесят миль в минуту, если только ей не повредит носовую часть.

«Донна» подползала все ближе и ближе. Чтобы слушать о ней сообщения по радио, мы поставили в коттедже приемник с батарейным питанием, предвидя, что как только она к нам нагрянет, электричество сразу погаснет. Но теперь ко всем этим заботам добавилась еще одна: Росинант, расположившийся под деревьями. В кошмарах наяву я видел, как на мой грузовик рушится дуб и давит его, точно букашку. Я вывел Росинанта из-под возможных прямых попаданий, но ведь его могло разнести в щепы и верхушкой какого-нибудь дерева, если ее пронесет по воздуху футов пятьдесят.

Рано утром мы слышали по радио, что циклон нас не минует, около десяти часов – что его центр пройдет над нами, если не ошибаюсь, в 1 час 07 минут – время указали точно. В нашем заливе было тихо, ни ряби, ни волн, но вода так и не посветлела с ночи, и «Прекрасная Элейн» грациозно покачивалась на свободно висящей якорной цепи.

Наш заливчик защищен от ветра лучше других, и вскоре в нем появилось много всяких мелких суденышек. Я с ужасом увидел, что некоторые из их владельцев понятия не имеют, как становятся на якорь. Вот вошли два моторных катера – оба красавцы, один вел другого на буксире. С борта первого сбросили в воду небольшой якорь, и катера – задний был привязан за нос к корме переднего – остались посреди залива, оба в непосредственной близости от «Прекрасной Элейн». Я подошел с рупором к самому краю моего причала и попробовал возразить против такого безрассудства, но владельцы катеров либо ничего не слышали, либо не поняли меня, либо им было на все наплевать.

Штормовой ветер налетел на нас в точно предсказанное время и вспорол воду, как черную ткань. Казалось, он крушит все кулаками. У одного из дубов сломало верхушку, и падая она чуть-чуть задела коттедж, откуда мы наблюдали за тем, что делается вокруг. Следующий порыв впятил в комнату большую оконную раму. Я водворил ее обратно и топориком забил клинья сверху и внизу. Как мы и ожидали, электричество сразу же потухло, телефон замолчал. По радио предупредили, что волны достигнут высоты в восемь футов. Мы видели, как ветер

рыщет по земле и по морю, точно свора терьеров, спущенных с привязи. Деревья кланялись и гнулись – ни дать ни взять травинки; исхлестанная ветром вода вспенилась. Чья-то лодка, оборвав якорную цепь, с разгона въехала на берег, следом за ней другая. Дома, выстроенные благодатной весенней порой и ранним летом, принимали волны в окна вторых этажей. Наш коттедж стоит на небольшом холме на тридцать футов выше уровня моря. Но волны уже перекачивали через мой высокий причал. Когда ветер менял направление, я переводил Росинанта на новое место, чтобы он стоял с наветренной стороны от высоких дубов. «Прекрасная Элейн» доблестно выдерживала шторм и, точно флюгер, поворачивалась и вправо и влево под напором то и дело меняющегося ветра.

К этому времени катера уже сцепились, лезли друг на друга, терлись бортами; буксирный конец попал переднему под гребной винт и руль. Еще одна лодка вырвала якорь из грунта, и ее с силой швырнуло на тинистый берег. Нашему Чарли неизвестно, что такое нервы. Ему все нипочем – и пушечная пальба, и гром, и взрывы, и свист ветра. Под ураганное завыванье он нашел себе теплое местечко под столом и уснул.

Ураган стих так же внезапно, как и возник, и хотя волны еще не вернулись к мерному ритму, ветер уже не терзал их. Уровень воды поднимался выше и выше. Все причалы по берегам нашего Сэг-Харбора залило, из-под воды виднелись где стойки перил, где только поручни. В наступившей тишине словно что-то шелестело. Радио оповестило нас, что мы находимся в самом центре «Донны» – в застывшем страшном покое посреди кружения шторма. Я не знаю, сколько длился этот покой. Нам, выжидающим, показалось, что долго. И вот «Донна» ударила нас другим боком, ветер налетел с противоположной стороны. «Прекрасная Элейн» легко развернулась и стала носом по ветру. Но связанные катера, волоча якоря по дну, начали надвигаться на мою лодку и наконец стиснули ее с обоих бортов. Как она ни отбивалась, ни воевала с ними, они потащили ее к берегу, прижали к одному из причалов, и мы услышали горестный скрип ее корпуса о дубовые сваи. К этому времени скорость ветра превысила девяносто пять миль в минуту.

Себя не помня, я бросился навстречу вихрю к причалу, где гибли все три лодки. Кажется, моя жена, в честь которой наша моторка и названа «Прекрасная Элейн», бежала за мной, приказывая мне остановиться. Дощатый настил причала был на четыре фута под водой, но стойки перил еще не залило, и мне удалось ухватиться за них.

Я медленно передвигал ноги, пока не погрузился по нагрудные карманы, а ветер с залива плескал мне водой в рот. Моя лодка стонала и плакала, ударяясь о сваи, и прядала, как испуганная телка. Одним прыжком я перемахнул к ней на палубу и ощупью двинулся к корме. Впервые за всю мою жизнь в нужную минуту при мне оказался нож. Беспутные катера с двух сторон теснили «Элейн». Я перерезал их буксирный конец и якорную веревку, дал им пинка, и они понеслись прямо к заболоченному берегу. Якорная цепь «Элейн» оказалась цела, а ее старинный якорь – стофунтовая громадина – по-прежнему забирал за дно своими разлатыми, широкими, как заступ, лапами.

Мотор «Элейн» не всегда слушался с первого раза, но тут он заработал от одного моего прикосновения. Стоя на палубе и держась правой рукой, чтобы не снесло, я дотянулся левой до штурвала, дроссельного клапана и пусковой рукоятки. И лодочка моя пыталась помочь мне – вот до чего перетрусил! Я бочком вывел ее подальше от причала и стал выбирать якорную цепь правой рукой. В обычное, спокойное время мне едва удастся поднять этот якорь обеими руками. Но сейчас все шло как по маслу. Якорь перевернулся, высвободив лапы из грунта. Тогда я подтянул его, осторожно продвинул лодку вперед, приглушил мотор и вышел на этот проклятый ветер. У меня было такое ощущение, будто мы пробиваемся сквозь клеклую кашу. В ста ярдах от берега я отпустил якорь. Он плюхнулся в воду и забрал за дно, и «Прекрасная Элейн» выровнялась, приподняла нос и как бы вздохнула с облегчением.

Теперь представьте себе, в каком положении оказался я: до берега сто ярдов, а надо мной, точно свора седомордых псов, которых науськали на зверя, беснуется «Донна». Ялик и минуты не удержался бы на такой волне. Я увидел, что мимо несет большую ветку, и буквально кинулся за ней. Риска тут особенного не было. Если удержу голову над водой, то меня прибьет к берегу. Но должен признаться, что резиновые сапоги, которые были на мне, вдруг стали вещью довольно-таки весомой. Прошло, наверное, минуты три, прежде чем я почувствовал дно под ногами, и Прекрасная Элейн – не та, а другая – вдвоем с нашим соседом выволокла меня на берег. Вот тут-то я и начал трястись всем телом, но посмотрел на залив, увидел, что наша лодочка в полной безопасности стоит на якоре, и умилился, глядя на нее. Я, наверное, растянул себе какое-то сухожилие, когда выбирал якорь одной рукой, потому что двигаться без посторонней помощи мне было трудновато. стакан виски в таких случаях тоже неплохой помощник, а он как раз стоял в кухне на столе. С тех пор я не раз пробовал поднять тот якорь одной рукой, и ничего у меня не получалось.

Ветер скоро утих, оставив нас в бедственном положении: электрические провода оборваны, телефон заговорит через неделю, не раньше. Зато Росинант стоял целехонек, без единой царапины.

Часть вторая

В заблаговременной подготовке к путешествию всегда, по-моему, кроется тайная уверенность в том, что оно не состоится. По мере того как день отъезда приближался, моя теплая кровать и мое удобное жилище становились для меня все милее, а моя дорогая жена казалась сокровищем и вовсе уж бесценным. Пожертвовать всем этим ради того, чтобы обречь себя на трехмесячную пытку всяческими неудобствами и неизвестно чем еще, было чистейшим безумием. Мне не хотелось уезжать. Может, случится что-нибудь, что помешает моему отъезду? Но ничего такого не случилось. Может, захвораю? Но как раз хвори-то и были тайной и чуть ли не главной причиной, побудившей меня затеять это путешествие. Прошлой зимой я серьезно болел, со мной приключилась одна из тех мудрено поименованных неприятностей, которые шепотком напоминают нам о приближении старости. Выздоровев, я выслушал обычную в таких случаях лекцию о том, что надо жить спокойно, не торопясь, скинуть лишний вес, избегать пищи, богатой холестерином. Такое случается со многими людьми, и по-моему врачи вызубрили эту проповедь наизусть. Случалось такое и со многими из моих друзей. Проповедь заканчивается словами: «Не торопитесь. Помните, что вы уже не молоды». И сколько раз мне приходилось наблюдать, как люди начинают кутать свою жизнь в вату, обуздывают свои порывы, глушат свои страсти и, распростившись с духовной и физической возмужалостью зрелых лет, мало-помалу переходят на полуинвалидное положение. В этом их всячески поощряют жены и родственники, а такая ловушка уж больно заманчива.

Кому не лестно стать предметом всеобщих забот? И ведь сколько людей впадает во второе детство! Они выменивают неумную силу на посулы коротенького продления жизни. В результате глава семьи превращается в самое младшее ее чадо. И я почти с ужасом прислушивался к самому себе: нет ли и у меня таких поползновений? Ибо я жил неумно, пил вволю, объедался, или вовсе ничего не ел, спал двадцать четыре часа подряд или по двое суток вовсе не ложился, работал слишком подолгу и со слишком большой отдачей или погрязал в лени. Я ворочал тяжелые грузы, рубил, колол, лазил по горам, всласть предавался любви и считал похмелье не воздаянием за грехи, а последствием содеянного. Мне не хотелось поступаться своим лютым жизнелюбием ради небольшого припека к жизни. Моя жена вышла за мужчину; с какой стати ей возиться с беспомощным младенцем? Я знал, что отмахать одному, без подручного, десять – двенадцать тысяч миль за рулем грузовика, да еще по всяким дорогам, будет делом не легким, но именно в этом мне виделось противоядие от опасности превратиться в человека, для которого болезнь становится его основным занятием. Я не желаю строить свою жизнь так, чтобы гнаться за количеством в ущерб качеству. А если путешествие окажется для меня непосильным, тогда вообще пора кончать. Слишком много видишь таких, кто неохотно покидает сцену и слишком долго и нудно тянет с уходом. Тут все на низком уровне – и в режиссуре и в жизни. Мне посчастливилось найти жену, которой приятно ощущать в себе женщину, откуда следует, что мужчины ей приятнее, чем пожилые младенцы. И хотя этот последний довод в пользу моего путешествия у нас не обсуждался, я уверен, что моя жена все понимала.

Наступило утро – ясное, с рыжеватыми отсветами осени в солнечных бликах. Мое расставание с женой не затянулось, так как мы оба терпеть не можем эти прощальные минуты, да к тому же ни мне, ни ей не хотелось оставаться в одиночестве после проводов. Она тотчас рванула с места, дала полный газ и умчалась в Нью-Йорк, а я, посадив Чарли рядом с собой, повел Росинанта сначала к парому, который идет на Шелтер-Айленд, потом к следующему – на Гринпорт, а оттуда к третьему – с Восточного мыса через залив Лонг-Айленд прямо в Коннектикут, чтобы не попадать в нью-йоркское уличное движение и сразу сделать большой перегон. И должен признаться, что на меня тут же навалилась зеленая тоска.

Палубу парома заливало яркое солнце, до материка был какой-нибудь час пути. Нам уступила дорогу стройная яхта с косым гентуэзским стакселем, похожим на развивающийся шарф, каботажные суда тащились либо вверх по проливу, либо, тяжело покачиваясь на волне, шли к Нью-Йорку. Потом в полумиле от нас поднялась подводная лодка, и яркий день сразу померк в моих глазах. Чуть подальше воду вспорола еще одна такая же темная тварь, за ней – третья. Ну понятно: ведь они базируются в Нью-Лондоне, здесь их дом. И может статься, своим ядом они и вправду сохраняют мир во всем мире. Если бы я мог проникнуться симпатией к подводным лодкам, мне открылась бы их красота, но ведь им положено разрушать, и хотя они могут исследовать и наносить на карту морское дно, могут прокладывать новые торговые пути подо льдами Арктики, все же основное их назначение – служить угрозой. А я еще слишком хорошо помню, как мы пересекали Атлантический на транспортном судне и знали, что эти чудища прячутся где-то на нашем пути и высматривают нас своими циклопскими глазами. Мне свет не мил, когда я вижу их и вспоминаю обгорелые трупы, которые вылавливали в войну с маслянистой поверхности моря. Теперь на вооружении у подводных лодок средство массового уничтожения – бессмысленное и единственное имеющееся у нас средство предотвратить массовое уничтожение.

На верхней палубе лязгающего железом парома, где гулял ветер, пассажиров было немного. Молодой человек в спортивной куртке, светловолосый и с голубыми, как дельфиниум, глазами, обведенными красным ободком от упорного ветра, посмотрел на меня, потом показал, протянув руку:

- Это новая. На три месяца может погружаться.
- Как вы их различаете?
- Знаю. Сам служу.
- На атомной?
- Пока нет, но у меня дядя на такой. Может, скоро и я...
- Почему же вы не в форме?
- По увольнительной гуляю.
- И нравится вам ваша служба?
- Еще бы не нравилась! Платят хорошо, и виды на... на будущее неплохие.
- А приятно разве вот так три месяца под водой?
- Привыкнем. Кормят хорошо и кино показывают. Вот бы побывать под Северным полюсом! А?
- Да, недурно бы.
- Кино показывают, и... виды на будущее неплохие.
- Вы из каких мест сами?
- Вон оттуда – из Нью-Лондона. Моя родина. У меня дядя на флоте и оба двоюродных брата. Можно сказать, вся семейка подводная.
- А мне как-то тревожно от одного их вида.
- Это, сэр, проходит. Вы и думать забудете, что лодка в погружении, – конечно, если у вас со здоровьем порядок. Клаустрофобией⁴ никогда не страдали?
- Нет.
- Тогда скоро привыкнете. Может сходим вниз, кофе выпьем? Времени хватит.
- С удовольствием.

Весьма возможно, что прав он, а не я. Этот мир принадлежит ему, я в нем уже не хозяин. Во взгляде его голубых, как дельфиниум, глаз не чувствуется ни злобы, ни страха и ненависти тоже нет. И, может быть, так и надо: работа как работа, за нее хорошо платят, и виды на будущее неплохие. Стоит ли мне навязывать ему мои собственные воспоминания и страхи?

⁴ патологический страх перед замкнутым пространством

Может, ничего такого больше и не будет? Но это уж его забота. Мир принадлежит теперь ему. И, вероятно, многое из того, что он знает, будет просто недоступно моему пониманию.

Мы выпили кофе из бумажных стаканчиков, и он показал мне в квадратный иллюминатор сухие доки и остовы строящихся подводных лодок.

– Знаете, чем они хороши? На море шторм, а такая вот ушла под воду – и тишина полная. Спишь, как младенец, когда там наверху – будто всех дьяволов с цепи спустили.

Он рассказал мне, как выехать из города, и это было одно из самых толковых объяснений за всю мою поездку.

– Ну, до свиданья. Надеюсь, что ваши надежды на... на будущее оправдаются, – сказал ему я.

– Да служба правда неплохая. Всего хорошего, сэр.

И, ведя машину по малоезжей коннектикутской дороге, среди деревьев и садов, я чувствовал, что после разговора с ним на душе у меня стало легче и спокойнее.

За несколько недель до отъезда я засел за изучение карт, и крупного масштаба и мелкого, но ведь карты не дают никакого представления о действительности – они только тиранят нас. Некоторые люди буквально впиваются в путеводители и не видят мест, по которым проезжают, а другие, выбрав маршрут, придерживаются его с такой неукоснительностью, точно их поставили ободками колес на рельсы и пустили по прямой. Я подвел Росинанта к небольшому кемпингу в зеленой зоне, принадлежащей штату Коннектикут, и взялся за свои карты. И сразу Соединенные Штаты выросли в моих глазах до таких необъятных размеров, что о том, чтобы пересечь их, нечего было и думать. Я сам себе удивился: попутает же бес взяться за такое, чего просто нельзя выполнить. Будто приступаешь к работе над романом. Когда во мне нарастает горестная уверенность в невозможности написать пятьсот страниц, томительное ощущение неудачи наваливается на меня, и я знаю, что ничего из этой затеи не выйдет. И так каждый раз. Потом, глядишь, строка за строкой написал страничку, за ней вторую. Работа в пределах одного дня – вот все, что я разрешаю себе держать в уме, а возможность закончить книгу просто-напросто исключается из моих расчетов. Так было и теперь, когда я смотрел на контуры этой ярко расцвеченной исполинской Америки. Листья на деревьях вокруг автомобильной стоянки были тяжелые и словно лубяные – они уже не росли, а никли в ожидании того дня, когда первый заморозок схлестнет их колером, а второй – светит на землю и положит конец их веку.

Чарли у нас рослый пес. Когда он сидел в кабине, его голова была почти вровень с моей. Он потянулся носом к самому моему уху и сказал: «Фтт». Чарли – единственная из всех известных мне собак, которая произносит согласную «ф». Это объясняется тем, что у него неправильный прикус – трагедия, мешающая ему участвовать в собачьих выставках. Верхние зубы у Чарли слегка прихватывают нижнюю губу, и поэтому он умеет произносить букву «ф». Слово «фтт» чаще всего значит, что ему хочется отдать честь какому-нибудь кусту или дереву. Я отворил дверцу и выпустил его, и он приступил к выполнению обычного в таких случаях церемониала. Прodelывается все это наизусть и на самом высоком уровне. Мне не раз приходилось убеждаться, что в некоторых отношениях Чарли умнее меня, а в иных – круглый невежда. Читать не умеет, машину не водит, в математике ничего не смыслит. Но на том поприще, на котором он сейчас подвизался – а именно с величавой медлительностью все окрест обнюхивал и все кропил, – ему нет равных. Конечно, кругозор у него ограниченный, но мой-то разве так уж широк?

В тот осенний день мы двинулись дальше, держа курс на север. Так как я ехал своим домиком, мне пришла в голову мысль, что недурно было бы зазывать к себе в гости, на стаканчик того-сего, людей, которые будут попадаться по пути, а запастись спиртным я не подумал. Впрочем, на боковых дорогах этого штата встречаются хорошенькие винные погребки. Я знал, что мне придется проезжать штаты, где сухой закон, не помнил только, какие именно,

и поэтому решил произвести закупки сейчас. Одна такая винная лавка стояла в стороне от дороги среди серебристых кленов. При ней был ухоженный садик, повсюду виднелись цветы в ящиках. Хозяин – моложавый старичок с серым лицом, судя по виду, член общества трезвости. Он раскрыл свою книгу заказов и с терпеливым тщанием подравнял листки копирки. Чего людям захочется выпить, никогда не угадаешь. Я взял шотландское и пшеничное виски, джин, вермут, водку, коньяк не лучшей марки, выдержанную яблочную настойку и ящик пива. Этого, пожалуй, хватит на все случаи жизни, подумал я. Для такой маленькой лавочки закупка была солидная. Хозяин проникся уважением ко мне.

– Видно, большой прием?

– Нет, запасаясь... в дорогу.

Он помог мне вынести коробки, и я отворил дверцу Росинанта.

– Вот в этой и поедете?

– В этой самой.

– Куда?

– Везде побываю.

И тогда я увидел то, что потом мне приходилось видеть много-много раз за эту поездку, – вожделенно горящие глаза.

– Ах, господи! Вот бы уехать!

– А что, вам не по душе здесь?

– Нет, почему? Тут неплохо. Но все равно бы уехал!

– Вы даже не знаете, куда я еду.

– А какая разница! Я бы куда угодно махнул.

Вскоре мне пришлось оставить затененные деревьями дороги и думать о том, как бы посредством всяческих ухищрений объезжать города стороной. Хартфорд, Провиденс и другие им подобные – это шумные промышленные центры, кипящие машинами. За то время, пока проползешь по городским улицам, можно было бы проехать несколько сот миль. А кроме того, когда прокладываешь себе путь в замысловатом узоре уличного движения, нет никакой возможности хоть что-нибудь увидеть. Мне случалось проезжать сотни городов, больших и маленьких, во всяком климате, во всяких контурах местности, и они, понятно, все разные, и люди там тоже чем-то отличаются друг от друга, но есть у них и общие черты. Американские города похожи на барсучьи норы в кольце всякой дряни, они – все до единого – окружены свалками покореженных, ржавеющих автомобилей и почти задушены нагромождением всевозможных отходов. Все, что мы потребляем, попадает к нам в пакетах, в коробках, в ящиках – в той самой таре, которая так мила нашему сердцу. Горы того, что у нас выбрасывается, превышают то, что мы используем. В этом, если не в чем-то ином, сказывается безудержный, неистовый размах нашего производства, а индексом его объема, по-видимому, служит расточительство. Проезжая мимо таких свалок, я думал, что во Франции или в Италии любую из этих выброшенных на помойку вещей сохранили бы и пустили в дело. Говорю это не в осуждение тех или иных порядков, а в предвидении того времени, когда мы не сможем позволить себе такое расточительство – отходы химического производства спускать в реки, металлолом валить где попало, атомные отходы хоронить глубоко под землей или топить в море. Когда индейские поселки слишком уж погрязали в собственной пакости, их обитатели перебирались на другое место. А нам перебираться некуда.

Я обещал моему младшему сыну попрощаться с ним, когда буду проезжать мимо его школы в Дирфилде, штат Массачусетс, но время было позднее, мне не захотелось поднимать его с постели, и я проехал в горы, нашел там молочную ферму, купил молока и попросил разрешения поставить машину под яблоней. Хозяин фермы оказался доктором математических наук и, судя по всему, изучал и философию. Ему нравилось это занятие, никуда он отсюда не

стремился – словом, это был один из немногих довольных жизнью людей, которых я встретил за всю поездку.

Мое посещение школы «Иглбрук» пусть пройдет при закрытых дверях. Нетрудно себе представить, как отнеслись к Росинанту двести юных узников просвещения, только что приступивших к отбыванию своего зимнего срока. Они шли к грузовику стадами, по пятнадцати человек сразу вваливались в мой маленький домик и вежливо ненавидели меня, потому что мне можно было ехать, а им нельзя. Мой собственный сын, наверно, никогда мне этого не простит. Отъехав на некоторое расстояние от школы, я остановился проверить, не увожу ли с собой зайцев.

Путь мой лежал вверх по штату Вермонт, а потом на восток – в Нью-Гэмпшир, к Белым горам. Придорожные ларьки были завалены желтыми тыквами, горами красноватых кабачков и румяными яблоками в корзинах, до того сочными и сладкими, что они будто лопались, когда я запускал в них зубы. Я купил таких яблок и кувшин молодого сидра. У меня создалось впечатление, будто все, кто живет вдоль шоссе, только и делают, что продают мокасины и перчатки оленьей кожи. А не это, так тянучки из козьего молока. До сих пор мне не приходилось видеть на автомобильных трассах магазины с уцененными товарами – одеждой и обувью. Городки в этих местах, пожалуй, самые красивые во всей Америке. Они чистенькие, белые и (если не считать мотелей и туристских кемпингов) какими были сотни лет назад, такими и остались, только движение в них стало больше и улицы мощеные.

Климат быстро менялся. Заметно похолодало, и деревья расцвечивались такой пестротой – красным, желтым, – что глазам не верилось. Это не только цвет, это пыланье, точно листва наглоталась осеннего солнца и теперь медленно отдавала его. Огнем пышут эти краски. Я успел подняться высоко в горы до наступления сумерек. На дощечке у ручья было написано, что поблизости продаются свежие яйца, и я свернул к этой ферме, купил там яиц, попросил разрешения поставить машину на берегу ручья и предложил заплатить за стоянку.

Фермер был сухопарый, по виду настоящий янки, какими их себе почему-то представляют, и говор у него тоже соответствовал нашим понятиям об их речи.

– Не за что тут платить, – сказал он. – Это пустырь. А вот нельзя ли мне осмотреть вашу колымагу?

Я сказал:

– Сейчас отыщу местечко поровнее, наведу там у себя порядок, тогда прошу пожаловать. Выпьем кофе... или чего-нибудь другого.

Я дал задний ход, потом стал выкручивать и наконец нашел ровное место, где можно было слышать болтовню проворного ручья. Почти стемнело, Чарли уже не раз сказал «фтт», что означало в данном случае: проголодался. Я отворил дверцу Росинанта, зажег свет и обнаружил внутри полнейший хаос. Мне часто приходилось грузить лодку с расчетом на бортовую и килевую качку, но в грузовике, когда резко тормозишь и резко берешь с места, возникают осложнения, которых я не предусмотрел. Пол фургона был завален бумагой и книгами. Моя пишущая машинка пристроилась в неудобной позе на горке пластмассовых тарелок, одно из ружей сорвалось со стены и уперлось дулом в плиту, а пачка бумаги в пятьсот листов точно снегом запорошила все вокруг. Я зажег верхний газовый свет, затолкал обломки крушения в чулан и поставил кипятить воду для кофе. Утром придется разместить мой груз как-то по-другому. Как именно – никто мне не скажет. Технику этого дела надо постигать вот так, на собственных ошибках. С наступлением темноты сразу сильно похолодало, но газовый рожок в калильной сетке и зажженные конфорки уютно согрели мой маленький домик. Чарли поужинал, отдал дань естеству и уединился на коврике под столом, в уголке, отведенном ему на ближайшие три месяца.

В наше время так много всяческих приспособлений, облегчающих нам жизнь. В плаваньях на моторной лодке я открыл для себя удобства алюминиевой кухонной посуды разового

употребления – сковородок, кастрюль, тазиков. Поджарил рыбу, а сковородку за борт. У меня был большой запас этого добра. Я открыл банку колбасного фарша, выложил его в такую посудину, обровнял со всех сторон и, подложив под низ асбестовый кружок, поставил разогреть на небольшом огне. Кофе только начал закипать, как вдруг Чарли издал львиный рык. Не могу передать, до чего это ободряет, когда тебе дают знать, что к твоему жилью кто-то приближается в темноте. А если у приближающегося дурное на уме, этот мощный голос заставит его помедлить, разве только ему известно, что по натуре своей Чарли миротворец и дипломат.

Хозяин фермы постучал в дверь, и я пригласил его войти.

– Хорошо у вас, – сказал он. – Да-а, сэр, очень хорошо.

Он протиснулся к диванчику за столом. На ночь этот стол опускается, на него кладутся подушки с диванчика, и двуспальная кровать готова.

– Хорошо, – снова сказал он.

Я налил ему чашку кофе. По-моему, когда на улице холодно, кофе пахнет в два раза лучше.

– Чего-нибудь покрепче? – спросил я. – Для большей солидности.

– Нет, и так хорошо. Очень хорошо.

– А яблочной настойки? Я устал, сидя за рулем, хотелось бы немного подкрепиться.

Он посмотрел на меня со сдержанной усмешкой. Те, кто сами не янки, ошибочно приписывают такую сдержанность необщительному характеру северян.

– Если я откажусь, вы один будете?

– Вряд ли.

– Тогда не стану лишать вас удовольствия. Только мне самую малость.

И я налил себе и ему по хорошей порции двадцатилетней яблочной настойки и примостился к столу с другой стороны. Чарли подвинулся и положил голову мне на ноги. При встречах в пути обхождение бывает самое деликатное. Вопросы прямо в лоб или на личные темы считаются недопустимыми. Впрочем, ведь это повсюду в мире служит признаком воспитанности. Фермер не спросил, как меня зовут, я его – тоже, но он скользнул взглядом сначала по моим ружьям в резиновых чехлах, потом по удочкам, прикрепленным к стене.

– Вы слушали сегодня радио?

– Последние известия – в пять часов.

– Ну что там в ООН? Я забыл включить.

Он потягивал яблочную настойку, проникновенно смакуя каждый глоток.

– Хорошая штука.

– Как у вас здесь смотрят на то, что мы все огрызаемся на русских?

– За других не скажу. А по-моему, это похоже на арьергардные бои. Лучше бы мы сами заставили их огрызаться.

– Неплохо сказано.

– А то мы ведь только и делаем, что обороняемся от них.

Я налил и ему и себе по второй чашке кофе и добавил яблочной настойки в стаканы.

– По-вашему, нам самим следует перейти в наступление?

– По-моему, мы должны хоть кое-когда задавать тон.

– Я не с целью опроса, но скажите, как у вас здесь проходит предвыборная кампания?

– А кто это знает? – ответил он. – Молчат люди. Из всех тайных выборов эти самые что ни на есть тайные. Своего мнения никто не высказывает.

– А может, и мнений-то нет?

– Может, и так, а может, не хотят говорить. Но я-то ведь помню – раньше как, бывало, схватывались! А сейчас что-то споров не слышно.

И действительно, мне пришлось наблюдать это по всей стране – никаких споров, никаких обсуждений.

– А в других... местах тоже так? – Он, несомненно, видел мой номерной знак, но умолчал об этом.

– Да, пожалуй. Значит, люди боятся высказывать свое мнение?

– Некоторые, может, и боятся. Но я знаю и небоязливых, а они тоже молчат.

– Вот и у меня такое впечатление, – сказал я. – Впрочем, не берусь судить.

– Я тоже. Может, все одно к одному? Нет, хватит, спасибо. Судя по запаху, ваш ужин готов. А я пойду.

– Что одно к одному?

– Ну, возьмем моего деда и его отца – мне было двенадцать лет, когда прадедушка умер. Уж они что знали, то знали твердо. Если чуть отпустят вожжи, так им наперед было известно, чем это кончится. А нам – для нас чем кончится?

– Не знаю.

– Этого никто не знает. И кому нужно чье-то мнение, если мы ничего не знаем? Мой дед мог сказать, сколько у Господа Бога волосков в бороде. А я понятия не имею о том, что было вчера, а что будет завтра – и подавно. Он знал, из чего сделан стол, что такое камень. А я не могу осилить формулу, согласно которой никто ничего не знает. Нам не за что уцепиться, мерил у нас нет никакого. Ну, я пойду. Завтра увидимся?

– Вряд ли. Я хочу пораньше выехать. У меня намечено пересечь штат Мэн и добраться до Оленьего острова.

– Красивый островок, верно?

– Не знаю. Никогда там не был.

– Там очень хорошо. Вам понравится. Спасибо за... гм... кофе. Спокойной ночи!

Чарли посмотрел ему вслед, вздохнул и снова задремал. Я поел колбасного фарша, потом соорудил себе ложе из стола и откопал среди книг «Величие и падение Третьего рейха» Ширера. Но оказалось, что читать я не могу. Потушил свет – и заснуть не удалось. Слушать дробный бег ручья по камням было приятно и успокоительно, но у меня не выходил из головы разговор с фермером – человеком мыслящим и умеющим выражать свои мысли. Вряд ли такие будут часто попадаться мне. И, может быть, он угодил в самую точку? Человечество привыкло к огню и к самой идее огня, наверно, миллион лет. Кто-то обжег себе руки о спаленное молнией дерево, а потом кто-то внес горящую ветку в свою пещеру и почувствовал, что от нее тепло и между этими двумя событиями прошло, может быть, сто тысяч лет, а с той поры и до детройтских доменных печей еще сколько?

Теперь в руках у нас сила куда более могущественная, но мы еще не успели развить в себе способность осмыслить ее, ибо у человека возникает сначала ощущение, потом слово, и только тогда он выходит на подступы к мысли, а на это – по крайней мере так было раньше – уходит много времени.

Пропели петухи, прежде чем я заснул. И вдруг у меня появилось чувство, что мое путешествие началось. Кажется, до сих пор я в это просто не верил.

Чарли любил вставать рано и чтобы я тоже вставал. А что ему? Позавтракал и опять завалился. За годы нашей совместной жизни он разработал несколько способов будить меня, по виду совершенно невинных. Встряхнется и так громыхнет ошейником, что мертвого подымет. Если это не действует, на него нападает чих. Но, пожалуй, противнее всего, когда он сядет тихонечко у моей кровати и с выражением всепрощающей кротости начнет буравить взглядом мое лицо. Просыпаешься среди глубокого сна с ощущением, что на тебя кто-то смотрит. В таких случаях лучше всего лежать с плотно закрытыми глазами. Стоит мне хотя бы моргнуть, как он начинает чихать и потягиваться, и кончен мой сон. Такие поединки (чья возьмет!) длятся иной раз довольно долго – я жмурюсь, он прощает меня за это, но победа большей частью остается за ним. Чарли так любит путешествовать, что ему хочется в дорогу пораньше, а пораньше для него – это когда рассвет только чуть-чуть тронет темноту.

Я вскоре же обнаружил, что если путнику захочется посоглядатайствовать за людьми в тех местах, где его никто не знает, пусть прошмыгнет в бар или в церковь и там посидит тихо и спокойно. Но не во всех городах Новой Англии есть бары, а церковная служба бывает только по воскресным дням. И то и другое вполне заменяют придорожные рестораны, куда люди приходят позавтракать по дороге на работу или собравшись поохотиться. Обитаемыми эти заведения бывают только в ранние часы. Но и тут есть одна закавыка. Те, кто рано встает, и со знакомыми-то почти не разговаривают, не то что с чужаками. За завтраком люди обычно изъясняются при помощи лаконичных хмыканий. Немногословность, свойственная жителям Новой Англии, достигает в эти минуты своих блистательных вершин.

Я накормил Чарли, совершил с ним непродолжительный променад и выехал на шоссе. Холодный туман затягивал взгорья, подмерзал на ветровом стекле моей машины. Я не любитель ранних завтраков, но тут надо было забыть о своих привычках, иначе никого не увидишь, пока не остановишься лишний раз для заправки. Я подъехал к первому же освещенному ресторану и нашел себе место у стойки. Посетители сидели, распластавшись над своими чашками с кофе, точно ветки папоротника. Вот самый обычный разговор:

Официантка. Повторить?

Клиент. Угу.

Официантка. Холодно на улице?

Клиент. Угу.

Через десять минут:

Официантка. Еще?

Клиент. Угу.

Этот еще из разговорчивых. Другие ограничиваются одним «хм!», а есть и такие, которые вовсе не отвечают. У официанток, работающих в ресторанах Новой Англии, в утренние часы существование довольно унылое, но, как я вскоре убедился, в ответ на любую мою попытку вдохнуть жизнь и веселье в их работу каким-нибудь шутливым словом они опускали глаза и буркали «да» или «угу». И все же общение между нами было, хотя в чем оно заключалось, не берусь уточнять.

Но больше всего сведений мне удалось почерпнуть из утренних радиопередач, к которым я за эти дни пристрастился. У каждого городка с населением в несколько тысяч человек есть своя радиостанция, и она занимает теперь в его жизни место прежней городской газеты. По радио передаются сведения о распродажах, торговых сделках, светская хроника, розничные цены на товары, частные сообщения. Пластинки проигрывают одни и те же по всей стране. Если «Ты ангел в восемнадцать лет» идет первым номером в штате Мэн, первым же номером она будет и в штате Монтана. За день «Ты ангел в восемнадцать лет» можно услышать раз тридцать – сорок. Но в программу местного вещания то и дело вкрапливается и реклама со стороны. По мере того как я продвигался к северу и становилось заметно холоднее, по радио все чаще и чаще передавали объявления о продаже земельных участков во Флориде, а близость долгой и суровой зимы поясняла мне, почему само слово Флорида сверкает, как золото. Чем дальше я проникал на север, тем больше убеждался, что люди вождедеют к Флориде, что тысячи их уже уехали туда, а тысячи хотят уехать и уедут. Побаиваясь федеральных законов о рекламе, агенты по продаже не очень-то расписывали свой товар, напирая больше на то, что это Флорида. Некоторые шли несколько дальше и гарантировали, что их участки не затопляет во время приливов. Но не это было важно: в самом слове Флорида слышалась весть о тепле, привольной жизни, комфорте. Устоять тут было невозможно.

Я жил в хорошем климате и сыт им по горло. Для меня погода важнее климата. В Куэрнаваке, в Мексике, где мне пришлось жить, климат, насколько это мыслимо, близок к совершенству, но я замечал, что если кто уезжает оттуда, так на Аляску. Хотелось бы мне посмотреть, долго ли житель Арустукского округа сможет терпеть Флориду. Вся беда в том, что если

он перевел туда свои сбережения и вложил их в недвижимость, ему не так-то просто вернуться назад. Кости брошены, и обратно в стаканчик их уже не соберешь. Но когда такой вот переселенец в один прекрасный октябрьский вечер сядет там во Флориде в нейлоново-алюминиевое кресло на неизменно зеленой лужайке и будет хлопать москитов у себя на шее, неужели же воспоминания не ударят его ножом в подвздошную область, где всего больнее? И пусть он попробует сказать, что в насыщенное влажностью вечное флоридское лето его живое воображение не подсовывает ему ликующей пестроты листьев, щипков чистого морозного воздуха, запаха горящих сосновых поленьев и ласкового кухонного тепла. Ибо кто оценит палитру красок, когда вокруг одна лишь вечная зелень, и что хорошего в тепле, если холод не подчеркнет всей его прелести?

Я ехал медленно, насколько это позволяли сердитые дорожные законы и дорожная практика. Только так и можно что-нибудь увидеть. Через каждые несколько миль таблички указывали путникам на зоны отдыха в стороне от магистрали – оборудованные властями штата участки, иной раз возле какой-нибудь темноводной речушки. Там стоят покрашенные баки изпод смазочного масла – для мусора, легкие обеденные столики прямо под открытым небом, а кое-где увидишь и очаг и яму, где можно поджарить целую мясную тушу. Время от времени я уводил своего Росинанта с шоссе и выпускал Чарли на волю обнюхивать визитные карточки предыдущих посетителей здешних мест. Потом кипятил кофе, удобно усаживался на ступеньку своего домика, сидел и смотрел, смотрел на лес и речку и на стремительно взмывающие к небу горные вершины в коронах из сосен и елей, припорошенных снегом. Много лет назад мне подарили на пасху стеклянное яйцо. В маленький глазок на узком его конце была видна чудесная крошечная ферма, такая только во сне может присниться, и на дымовой трубе ее домика сидел в гнезде аист. Я был уверен, что эта ферма невсамделишная, сказочная, как гномы, которые ютятся под поганками. А потом в Дании вдруг увидел: вот она – та самая, что в пасхальном яйце, или ее родная сестрица. В Калифорнии, в городе Салинасе, где я вырос, кое-когда бывали и заморозки, но дни зимой большей частью стояли прохладные и туманные. Когда мы видели на цветных картинках вермонтские осенние леса, нам казалось, что это из сказки, что на самом деле такого быть не может. В школе нас заставляли учить наизусть «Погребенные в снегах»⁵ и разные стишки про деда-мороза, вооруженного малярной кистью, но единственное, что дед-мороз дарил нам, – это тоненькую корочку льда в поильной колоде, да и то в кои веки раз. А потом я сделал открытие, буквально потрясшее меня: оказалось, этот хаос красок не только соответствовал действительности, но те картинки лгали, как лжет бледный, неточный перевод. Мне даже трудно бывает представить себе, какой он, осенний лес, когда я его не вижу. Но если такие краски всегда перед глазами, может, люди перестают замечать их, подумал я, и спросил об этом одну постоянную жительницу Нью-Гэмпшира. Она сказала, что осень не перестает восторгать ее, не перестает вызывать душевный подъем.

– Это же такое великолепие! – говорила она. – Его раз и навсегда не запомнишь, оно каждый год ошеломляет заново.

Я увидел, как со дна глубокой запруды в речке поднялась форель, и по воде, один другого шире, пошли серебряные круги. Чарли тоже ее углядел и полез за ней и весь вымок, дурачина. Не дано ему дара предвидения! Я вошел в домик за мусором и собрал свою посильную лепту для крашеного бака – две пустые консервные банки. Содержимое одной съел я, содержимое другой – Чарли. И среди книг, взятых в дорогу, увидел одну в хорошо знакомом мне переплете и вынес ее на солнце: золотая рука держит змею и зеркальце с крылышками, а понизу – рукописным шрифтом: «Спектэйтор», редакция текста Генри Морли⁶.

⁵ стихотворение американского поэта Джона Уиттьера (1807–1892)

⁶ сатирический журнал; Генри Морли (1822–1894) – историк английской литературы и один из последующих редакторов журнала

Мне, как писателю, видимо, посчастливилось в детстве. Мой дед Самюэл Гамильтон любил книгу и умел отличать хорошую от плохой. Кроме того, у него было несколько дочерей из породы синих чулков – среди них моя мать. Вот почему в Салинасе за стеклянными дверцами большого темного шкафа орехового дерева можно было найти немало всяких чудес и соблазнов. Мои родители никогда сами не давали мне что-нибудь почитать оттуда, стеклянные дверцы зорко охраняли свои сокровища, и я был вынужден потаскивать их. Ни запрещений, ни острастки на этот счет не было. Теперь мне кажется, что если бы мы запретили нашим неграмотным деткам касаться тех богатств, которыми славится наша литература, они стали бы воровать их и находить в чтении тайную прелесть. Я полюбил Джозефа Аддисона в ранние годы и храню эту любовь по сию пору. Он играет на инструменте нашего языка, точно знаменитый Пабло Казальс на виолончели. Не знаю, повлиял ли Аддисон на мой стиль, но хотелось бы думать, что не без этого. В 1960 году, сидя на солнышке в Белых горах, я открыл так хорошо знакомый мне первый том сочинений Аддисона, год издания 1883. Нашел воспроизведенный там первый номер «Спектэйтора» от четверга, марта первого дня, год 1711. В начале стоял эпиграф:

Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem
Cogitat, et speciosa dehinc miracula promat.⁷

Гораций

Помню, как мне всегда нравилось, что существительные у Аддисона все с прописных букв. Под этой датой идет следующее:

«Мне случалось наблюдать, что Читатель редко вкушает Удовольствие от Книги, покуда не узнает, каков собой Написавший ее – темные ли у него Волосы или белокурые, кроткого ли он Нрава или желчного, женат или холост, и прочие тому подобные Сведения, кои способствуют Знакомству с Сочинителем. В Угождение такой Любознательности, вполне, однако, простительной, я положил и в этом и в следующем Выпуске вступить с Читателем в Беседу, предварив ею дальнейшие мои Писания и дав ему Отчет о тех, кто принимает Участие в наших совместных Трудах. Поскольку же и Составление, и Приведение в Порядок, и Сверка Рукописей падет на меня, я полагаю, что имею Право открыть сию Тетрадь с Рассказа о самом себе».

Суббота, Января двадцать девятого Дня, Год 1961. Да, Джозеф Аддисон, я внимаю тебе и постараюсь выполнить твоё Наставление в разумных Пределах, ибо Любознательность, тобою подмеченная, нисколько не уменьшилась со Временем. Как мне известно, многие Читатели интересуются не столько моими Мыслями, сколько тем, что я ношу из Одежды, и тшятся узнать, не над чем я тружусь, а как это у нас, у Сочинителей, делается. Что же до моих Писаний, то некоторых Читателей больше волнует не Работа моя, а мои Заработки. И поскольку Заветы Мастера есть Закон, подобно Слову Божьему, я подчиняюсь им и в то же Время позволю себе отступить от своего Повествования.

В общей массе мужчин меня можно назвать высоким: шесть футов ровно, однако среди моих родственников мужского пола я считаюсь карликом. Ростом они кто шести футов двух дюймов, кто еще дюйма на два, на три выше, а оба моих сына, когда окончательно вырастут, безусловно, отца перегонят. Я широкоплечий и при теперешних моих габаритах узкий в бедрах. Ноги у меня длинные, вполне пропорционально туловищу и, по имеющимся отзывам, стройные. Волосы с проседью, глаза голубые, а щеки красные – цвет лица я унаследовал от матери-ирландки. Ход времени не прошел незаметно для моей физиономии, и оно отметило его шрамами, сеткой морщин, глубокими бороздами и щербинками. Я ношу бороду и усы, но щеки брею; вышеуказанная борода с краев седая, а посередке темная, как скунсовый мех, –

⁷ Он не хотел, чтобы пламя сделалось дымом. Из дыма пламя извлечь он хотел, чтобы чудесное взору предстало (лат.)

отпущена в память кое-кого из моих предков. Лелея бороду, я не ссылаюсь, как это принято в ряде случаев, на болезнь кожи или неприятные ощущения при ежедневном бритье, не стараюсь спрятать под ней безвольный подбородок, а не краснея признаюсь, что считаю ее украшением своей физиономии, подобно павлину, который гордится своим хвостом. И, наконец, борода в наши дни – это единственное, в чем женщина не может перещеголять мужчине, а если и перещеголяет, то успех ей обеспечен только в цирке.

Мой костюм наилучшим образом подходил для дороги, хотя и отличался некоторым своеобразием. Невысокие резиновые сапоги с пробковой стелькой позволяли мне держать ноги в тепле и в сухе. Бумажные штаны цвета хаки, купленные на распродаже военного обмундирования, прикрывали моя бедра и голени, а тулово нежилось в охотничьей куртке с вельветовыми обшлагами и воротником и на задку с карманом для дичи – такой глубины, что в нем можно было бы проташить контрабандой индийскую принцессу в общежитие ХАМЛ⁸. Фуражку свою я ношу уже много лет – это синяя английская капитанка с маленьким козырьком и с кокардой, на которой королевский лев и единорог все еще дерутся из-за английской короны. Фуражка эта весьма непрезентабельна на вид и вся пропитана морской солью, но мне подарил ее командир того самого миноносца, на котором я отплыл из Дувра во время войны, – кроткий был человек, всем джентльменам джентльмен и убийца. Уже после того, как я вышел из-под его начала, он атаковал немецкий торпедный катер, но огня по нему не стал открывать, чтобы не повредить, потому что такие в плен еще не попадались, а кончилось это тем, что его самого пустили на дно. С тех пор я и ношу эту фуражку в его честь и в память о нем. Кроме того, она мне нравится. Мне в ней хорошо. В восточных штатах этой фуражкой никто не интересовался, зато в Висконсине, Северной Дакоте и Монтане, когда море осталось у нас далеко позади, на нее, по моему, стали поглядывать, и тогда я купил ковбойскую шляпу, так называемый стетсон, – не очень широкополый, добротный, хоть и несколько старомодный головной убор вроде тех, что носили на Западе мои дядюшки-скотоводы. К морской фуражке я вернулся только в Сиэтле, когда выехал к другому океану.

Поелику наказ Аддисона исполнен. Читатель мой вновь находит меня на стоянке в Нью-Гэмпшире. Я сидел на приступочке, листал страницы «Спектэйтора» и думал, что человеческий мозг обычно делает сразу два дела вполне осознанно и, может быть, еще несколько дел – бессознательно. В это время на лужайку въехала роскошная машина, и весьма тучная, претенциозного вида дама выпустила из нее весьма тучного и претенциозного вида шпица дамского сословия. Последнее обстоятельство осталось для меня незамеченным, но до Чарли оно дошло моментально. Выскочив из-за мусорного бака, он пленился этой красоткой, французская кровь в нем взыграла, и тут пошли такие амуры, что цель их не замедлили распознать даже далеко не зоркие глаза ее хозяйки. Миледи возопила, как подстреленный заяц, вывалилась из машины и бросилась было укрыть свое сокровище у себя на груди, да не смогла так низко нагнуться. Единственное, что ей удалось сделать, это шлепнуть по голове моего рослого Чарли. Реакция на шлепок была у Чарли совершенно естественная: он тяпнул ее мимоходом за руку и снова закружился в вихре страстей. До сей минуты мне как-то не приходилось вникать в смысл выражения «и небеса разверзлись от крика». Прежде всего я не знал, что значит «разверзаться». Потом отыскал этот глагол в словаре. И что правда, то правда – от воплей этой коровищи небеса действительно разверзлись. Я схватил ее за руку и увидел, что на коже даже царапинки нет, тогда я схватил собачонку, и она тут же меня укусила, да как следует, до крови, прежде чем мне удалось слегка придушить ее, подлую.

Чарли воспринял всю эту сцену как чистейший нонсенс. Он в двадцатый раз полил мусорный бак и поставил на этом точку.

⁸ Христианская ассоциация молодых людей

Дама успокоилась не скоро. Бутылкой коньяка, которую я ей вынес, ее можно было уложить на месте, а она отпила прямо из горлышка смертельную дозу – и ничего, не окоचурилась.

Казалось бы, после всего, что я для Чарли сделал, ему следовало бы прийти ко мне на помощь, но неврастеники его раздражают, а пьяницы выводят из себя. Он забрался в наш домик, залез под стол и уснул. *Sic semper sum*⁹ эти французики. Наконец миледи рванула на себя ручной тормоз и укатила, и от этого дня, которым я так наслаждался, остались одни обломки. Аддисон рухнул наземь, объятый пламенем, форель уже не выписывала кругов по воде, на солнце надвинулась туча и сразу остудила воздух. Я поймал себя на том, что гоню машину быстрее, чем мне самому хотелось, потом пошел дождь, холодный, будто стальной. Я не уделял очаровательным попутным деревушкам того внимания, какого они заслуживали, и вскоре мы пересекли границу и поехали по штату Мэн дальше на восток.

Почему это любые два соседних штата не могут установить у себя одинаковую скорость движения? Только успеешь привыкнуть к пятидесяти милям в час, как граница и там шестьдесят пять. Удивляюсь, неужели нельзя сесть за стол и договориться? Впрочем, в одном между всеми штатами достигнуто полное единодушие – каждый уверен, что он из всех самый лучший, и сообщает вам об этом огромными буквами, когда вы пересекаете его границу. Почти сорок штатов было на моем пути, и среди них не нашлось ни одного, который не замолвил бы за себя доброго словечка. Это даже немножко нескромно с их стороны. Предоставили бы путешественникам самим судить. Но, может быть, так и надо? А то не подскажешь нам – мы и не догадаемся?

Подготовка к зиме в Новой Англии – дело нешуточное. Летом ее народонаселение, вероятно, сильно возрастает, дороги бывают забиты беженцами – теми, кто спасается от липкой жары Бостона и Нью-Йорка. Теперь же все ларьки, торгующие сосисками, все «кафе-мороженое», антикварные лавки и киоски с продажей мокасин и перчаток оленьей кожи – все стояло закрытое, со спущенными шторами, и повсюду виднелись объявления: «Откроемся летом». Я никак не мог привыкнуть к тому, что вдоль шоссе дорог теперь то и дело попадаются разные антикварные магазинчики, заваленные и настоящим и «подлинным» старьем прошлых времен. В наших тринадцати колониях не насчитывалось в те времена даже четырех миллионов человек, и, судя по всему, каждый из них лихорадочно мастерил столы, стулья, изготовлял фарфоровую и стеклянную посуду, формочки для литья свеч, всякие железные и медные штучки самых причудливых очертаний и все это впрок, на потребу туристам двадцатого века! Вдоль дорог Новой Англии продается столько всякой старинной рухляди, что ею одной можно обставить жилища пятидесятиmillionного населения. Будь я оборотистым дельцом и заботься хоть чуточку о своих еще не родившихся правнуках, чем не могу похвалиться, надо бы мне собрать побольше всякого хлама и поломанных автомобилей, прочесать городские свалки, свезти свою добычу в одно место и опрыскать ее той жидкостью, которую применяют от моли на кораблях нашего флота. Лет через сто мои потомки получили бы разрешение открыть этот тайник и стали бы королями антиквариата, первейшими в мире. Если уж побитый, потрескавшийся, покореженный хлам, от которого пытались отделаться наши предки, приносит теперь такие доходы, вообразите ценность «олдсмобилей» модели 1954 года или тостера выпуска 1960 года. А миксеры устарелого образца? Господи боже! Да тут возможности неограниченные! Вещи, за вывоз которых на свалку нам приходится платить, принесут в будущем целые состояния.

Если мой интерес ко всякой рухляди покажется кому-нибудь чрезмерным, что поделаешь: так оно и есть на самом деле, и у нас дома ее предостаточно – полгаража завалено всякими обломками и барахлом. Эти вещи идут у меня на починку других вещей. Не так давно я остановил машину недалеко от Сэг-Харбора, у складского двора одного торговца ломом. Ува-

⁹ Таковы всегда (лат.)

жительно разглядывая его запасы, я вдруг подумал, что у меня этого добра еще больше. Но мне на самом деле свойственно искреннее и почти скупердяйское пристрастие к ненужным вещам. В свое оправдание скажу, что в наш век, когда всему у нас положено мгновенно устаревать, в моей коллекции почти всегда найдется чем починить и сломавшийся унитаз, и мотор, и газонкосилку. Но, положив руку на сердце, я просто-напросто люблю всякое барахло.

Еще до того, как двинуться в путь, я предвидел, что через каждые два-три дня мне придется заезжать в мотель или на автомобильную стоянку не столько ради ночевки, сколько ради того, чтобы принять роскошную горячую ванну. В Росинанте я грел воду в чайнике и обтирался губкой, но когда моешься, стоя в бадейке, особой чистоты не наведешь, а удовольствия и вовсе не получишь. Купаться в глубокой ванне, налитой обжигающе горячей водой, – истинное наслаждение. А вот для стирки белья я изобрел новый способ еще в самом начале своего путешествия, и попробуйте-ка превзойти его! Получилось это таким образом: у меня было с собой большое пластмассовое ведро для мусора с крышкой и ручкой. Так как на ходу ведро это опрокидывалось, я привязал его крепким эластичным шнурком с матерчатой обмоткой к перекладине в маленьком платяном шкафчике Росинанта, где оно могло болтаться, не проливаясь, сколько влезет. Прошел день; я хотел опростать его в придорожный мусорный бак, и (представьте себе!) столь тщательно перемешанного и умятого мусора мне в жизни не приходилось видеть. Должно быть, все великие открытия делаются на основе жизненного опыта такого вот рода. На следующее утро я это ведро вымыл, бросил туда две рубашки, нижнее белье и носки, всыпал стирального порошка, залил все это горячей водой и привязал его эластичным шнурком к перекладине в платяном шкафу, где оно проболталось и проплясало у меня весь день. Вечером белье было выполоскано в ручье – и верите ли, такого чистого еще никто не видывал. В Росинанте я протянул у окна нейлоновую бечевочку, развесил на ней всю свою постирушку, и с тех пор один день у меня уходил на стирку, другой – на сушку белья. Я даже превзошел самого себя и стирал таким способом простыни и наволочки. Словом, с бельем дело обстояло отлично, а вот проблема горячей ванны не была решена.

Недалеко от Бангора я заехал в мотель и снял там номер. Плата оказалась недорогая. У входа висело объявление: «На зимний сезон цены значительно снижены». Чистота в этом мотеле была ослепительная: все синтетическое – линолеум, занавески, пластмассовые столешницы, на которых не остается ни мокрых пятен, ни прожогов от сигарет, пластмассовые абажуры. Только постельное белье и полотенца были из натурального полотна. Я зашел в маленький ресторанчик при мотеле. Там тоже все было из пластика: столовое белье, масленка. Сахар и печенье – в целлофановых обертках, желе – в маленьком пластмассовом гробике, упакованном в целлофан. Для ужина время еще не пришло, и кроме меня там никого не оказалось. Передник на официантке и тот был синтетический, из тех, что не стирают, а моют губкой. Сама она была не веселая, но и не грустная. Так, ни то ни се. Но я не верю, что человек может быть просто пустым местом. Должно же в нем обнаружиться какое-то нутро, хотя бы для того, чтобы шкуре было на чем держаться. Этот пустой взгляд, эта вялая рука, эти алые щечки, присыпанные, как пончики, пластиковой пудрой, должны были жить каким-нибудь воспоминанием, какой-нибудь мечтой.

Я спросил наугад:

– Когда во Флориду?

– На той неделе, – вяло проговорила она. Потом что-то шевельнулось в этой томящей пустоте. – А вы почему знаете, что я уезжаю?

– Может, мысли ваши прочитал.

Она посмотрела на мою бороду.

– Вы с цирком, что ли?

– Нет.

– Тогда как это понимать – мысли прочитал?

- Ну, может, я просто догадался. А вам нравится во Флориде?
- Еще бы! Я каждый год туда езжу. Зимой там большой спрос на официанток.
- А как вы там время проводите – в смысле развлечений?
- Да никак. Дурака валяешь, и больше ничего.
- Увлекаетесь рыбной ловлей, плаваете?
- Да не очень. Так просто, дурака валяешь. Этот песок тамошний – у меня от него зуд.
- Хорошо зарабатываете?
- Нет, публика ерундовая.
- Ерундовая?
- Они лучше на выпивку потратятся.
- Чем на что?
- Чем на чаевые. Такие же, как тут летом. Ерундовые.

Странное дело: иной человек войдет и всю комнату заполнит своей бодростью, своим хорошим настроением. А другие, и в том числе и эта особа, выпускают из вас, как воздух, и жизнелюбие и энергию и способны высосать до дна любое удовольствие без всякой радости для себя. Воздух сереет вокруг таких людей. Я долго просидел за рулем в тот день, и может быть бодрости во мне поубавилось и сопротивляемость несколько упала. Эта девица доконала меня. На душе была такая тоска, такая безнадежность, что кажется залез бы под какой-нибудь пластмассовый колпак и помер. Такой назначать свиданья, с такой крутить роман! Мои попытки представить ее в роли любовницы не увенчались успехом. Дать ей, что ли, пять долларов на чай, подумал я, и тут же отказался от своего намерения, зная, к чему это приведет. Она не обрадуется. Она примет меня за сумасшедшего, только и всего.

Я вернулся в свой чистенький, маленький номерок. В одиночку мне не пьется. Это как-то неинтересно. И надеюсь, что один я никогда не буду пить, разве что стану алкоголиком. Но в тот вечер я достал бутылку водки из имеющихся у меня запасов и принес ее в свою келью. В ванной стояли два стакана для питьевой воды, каждый в целлофановом мешочке с надписью: «Эти стаканы подвергнуты предохранительной стерилизации». Поперек стульчака была наклеена бумажная полоска, сообщающая вам: «Этот унитаз подвергнут предохранительной стерилизации ультрафиолетовыми лучами». Все меня от чего-то предохраняли, и это было ужасно. Я содрал обертки с обоих стаканов. Я надругался над девственностью унитаза, прорвав бумажную полоску ногой. Я налил себе полстакана водки, выпил и налил еще столько же. Потом залег в глубокую ванну с горячей водой и лежал там, полный уныния и тоски, чувствуя, что в мире вообще нет ничего хорошего.

Мое настроение передалось Чарли, но Чарли – благородный пес. Он влез в ванную комнату, старый дурак, и, точно щенок, затеял игру с пенопластовым ковриком. Вот это сила характера, вот это друг! Потом кинулся к двери и поднял такой лай, будто мне грозило чье-то вторжение. И если бы не вся эта синтетика, возможно, что его потуги оказались бы небезуспешными.

Я вспомнил одного старого араба в Северной Африке – человека, руки которого не знали воды. Он угостил меня мятным чаем в стакане, покрытом таким слоем грязи, что стенки его были совершенно мутные, но вместе со стаканом мне предлагалась дружба, и чай от этого стал только вкуснее. И хотя мое здоровье там никто не охранял, зубы у меня не выпали, гноящиеся язвы не появились. Я стал формулировать новый закон, устанавливающий взаимосвязь между предохранительной стерилизацией и упадком духа. Сердечная тоска убьет вас скорее, гораздо скорее, чем бацилла.

Если бы Чарли не начал встряхиваться всем телом, и прыгать, и повторять «фтт», мне бы нипочем не вспомнить, что на ночь ему полагается две собачьи галеты и прогулка для проветривания мозгов. Я надел на себя все чистое и вышел с ним в клейменную звездами ночь. И увидел северное сияние в небе. За всю мою жизнь мне удавалось полюбоваться им считанные разы. Оно величаво парило над землей и сплошными наплывами восходило все выше

и выше, точно путник, бесконечно странствующий в глубине бесконечной сцены. Переливы розовых, бледно-лиловых и пурпурных тонов плыли, пульсируя в ночном небе, и колючие в мороз звезды просвечивали сквозь них. Посчастливится же человеку увидеть такое в минуты, когда это ему всего нужнее! У меня промелькнуло в мыслях: а не схватить ли мне эту официантку и не вытолкать ли пинком в зад из ресторана под открытое небо – пусть полюбуется. Но я убоился. С такой рядом, пожалуй, и вечность и безбрежность растают и утекут между пальцами. В воздухе сладостно припекало морозцем. Чарли, трусивший впереди, подробно обследовал подстриженные кусты бирючины, отдавая честь каждому кустику, и от него валил пар. На обратном пути он подбежал ко мне и обрадовался за меня. Я дал ему три собачьи галеты, разворошил свою стерильную постель и ушел ночевать в домик Росинанта.

Это вполне в моем духе – взять курс на запад, а двигаться к востоку. Со мной всегда так. Впрочем, я ехал на Олений остров по весьма уважительным причинам. Давняя моя приятельница и коллега, Элизабет Отис, бывает на Оленьем острове каждый год. Когда она заговаривает о нем, взгляд у нее становится потусторонним, речь – нечленораздельной. Узнав о моих сборах, она сказала:

- Вы, конечно, заедете на Олений остров.
- Это нам не по дороге.
- Вздор, – отрезала Элизабет знакомым мне тоном.

И голос и все ее поведение ясно говорили о том, что, если я не побываю на Оленьем острове, мне лучше не показываться в Нью-Йорке. Она не откладывая созвонилась с мисс Элеонорой Брейс, у которой всегда останавливается там. Вот и вся недолга – отступать было некуда. Словами об Оленьем острове не расскажешь, но не поехать и не осмотреть его – чистое безумие. Это единственное, что мне о нем сообщили. Кроме того, мисс Брейс была уже предупреждена о моем приезде.

В Бангоре я совершенно потерялся в потоке легковых и грузовых машин, среди орущих сирен и мелькания светофоров. Мне смутно помнилось, что ехать надо по федеральному шоссе №1. Я отыскал его и прокатил по нему десять миль, назад к Нью-Йорку. Дорожные указания – подробнейшие! – были даны мне в письменном виде, но вам, наверно, самим случалось замечать, что, когда дорогу объясняют люди, хорошо знающие те или иные места, и объясняют правильно, вы и вовсе теряете ориентацию. Я запутался и в Элсворте, хотя меня уверяют, будто это при всем желании невозможно. Чем дальше, тем дороги становились все уже, и мимо меня начали с ревом проноситься машины, груженные лесом. Я проплутал почти весь день, но Блю-Хилл и Седжуик все-таки нашел. Отчаявшись, к вечеру я остановил свой грузовичок и обратился к величественному представителю власти штата Мэн. Что это была за фигура – точно высеченная из гранита, что добывают в окрестностях Портленда! Какой великолепный натурщик для конной статуи грядущих дней! Интересно, как станут ваять героев будущего – в мраморных виллисах или в мраморных полицейских машинах?

- Я что-то совсем заблудился, начальник. Может быть, вы мне поможете?
- Куда вам надо?
- Я пытаюсь попасть на Олений остров.

Он посмотрел на меня в упор и, убедившись, что я не шучу, повернулся в седле боком, показал на ту сторону проливчика и не счел нужным добавить больше ни слова.

- Это и есть Олений остров?

Полицейский склонил голову и так и оставил ее склоненной.

- А как туда попасть?

Мне часто приходилось слышать, будто жители Мэна – народ неразговорчивый, но этот кандидат в монументы на Маунт-Рашморе¹⁰, видимо, считал, что протянуть указательный

¹⁰ гранитная скала-памятник в Южной Дакоте: в ней высечены гигантские скульптурные портреты четырех американских

перст дважды в течение одного дня равнозначно невыносимой болтливости. Он описал подборком небольшую дугу в том направлении, куда я ехал. Если бы время позволило, я бы попытался вырвать у него еще хоть слово, даже зная заранее, что мои попытки обречены на провал.

– Благодарю вас, – проговорил я и сам себе показался отчаянной балаболкой.

Сначала мы проехали по железному мосту, выгнутому, как радуга, высокой аркой, потом, вскоре же, по низкому каменному в форме буквы «S», и наконец Росинант очутился на Оленьем острове. В письменных указаниях говорилось, что мне надо сворачивать на каждую боковую дорогу вправо, и слово «каждую» было подчеркнуто. Я одолел подъем и по более узкой дороге свернул направо, в сосновый бор, потом свернул направо по совсем узенькой и опять свернул направо по колеям, усыпанным сосновыми иглами. Когда едешь не в первый раз, все кажется проще простого. Мне не верилось, что я доберусь до места, но ярдов через сто впереди показался большой старинный дом мисс Элеоноры Брейс, и она сама вышла приветствовать меня. Я выпустил Чарли, и вдруг какая-то яростная серая лента сверкнула на просеке среди сосен и опрометью ворвалась в дом. Это был Джордж. Он не пожелал приветствовать ни меня, ни тем более Чарли. Мне так и не удалось разглядеть Джорджа как следует, но присутствие этого мрачного существа чувствовалось повсюду. Ибо Джордж – это старый серый кот, в котором накопилось столько ненависти ко всему живому и неживому, что даже сидя на чердаке он дает вам почувствовать свое страстное желание, чтобы вы поскорее убрались отсюда. И если бы на нас упала бомба и смела с лица земли все и вся, кроме мисс Брейс, Джордж был бы счастлив. Таким он создал бы мир, если бы это зависело от него. Он так никогда и не узнает, что Чарли интересовался им только из вежливости, а если бы узнал, то был бы уязвлен в своих мизантропических чувствах, ибо Чарли не питает ни малейшего интереса к кошкам даже как к объектам гона.

Мы не причинили Джорджу никаких хлопот, так как провели обе ночи в Росинанте, но мне рассказывали, что, когда гости ночуют в комнатах, Джордж удаляется в лес и ведет издали наблюдение за домом, ворчаньем выражая свое недовольство и неприязнь к чужакам. По словам мисс Брейс, как домашний кот Джордж не отвечает своему назначению (каковы кошачьи назначения, мне неизвестно). Он не отличается ни общительностью, ни чуткостью, да и с эстетической точки зрения не представляет собой ценности.

– Наверно, он ловит крыс и мышей? – угодливо подсказал я.

– Никогда не ловил, – ответила мисс Брейс. – Ему это и в голову не приходит. И знаете, что самое интересное? Джордж – кошка.

Мне приходилось все время сдерживать Чарли, потому что незримое присутствие Джорджа чувствовалось повсюду. Во времена более просвещенные, когда в ведьмах и их приспешниках разбирались лучше, его, или, вернее, ее, ждала бы смерть на костре, ибо если существует на свете всякая нечисть, дьявольское отродье и та шатия, что хороводится со злыми духами, то Джордж из их числа.

Не надо было обладать сверхчувствительностью, чтобы понять своеобразие Оленьего острова. И если те, кто ездит туда из года в год, не могут описать его, чего же тогда ждать от моего двухдневного пребывания там? Этот остров, точно сосунок, припал к груди Мэна, но таких островков много. Его глубокие, затененные воды словно вбирают в себя свет, но и это мне приходилось видеть. Сосны шумят в здешних лесах, и ветер завывает на здешних равнинах, ничем не отличающихся от Дартмурских в Англии. Стоунингтон, главный город Оленьего острова, не похож на другие американские города ни своей планировкой, ни архитектурой. Его дома террасами спускаются к спокойной воде залива. Этот городок сильно напоминает Лайм-Регис на дорсетском побережье, и я готов поспорить, что его основатели и первые поселенцы – выходцы из Дорсета, или Сомерсета, или Корнуэлла. В штате Мэн повсюду говорят как в

западной Англии, двойные гласные произносят на англосаксонский манер, а на Оленьем острове это сходство еще сильнее. Жители побережья ниже Бристольского залива – люди тоже по натуре замкнутые, и, может статься, там тоже не обходится без чертовщинки. В глубине их глазниц таится нечто такое, о чем они сами вряд ли догадываются. То же подмечаешь и у жителей Оленьего острова. Короче говоря, Олений остров – своего рода Авалон¹¹: когда нас нет на нем, он, вероятно, исчезает. Или взять хотя бы такие загадочные существа, как здешние огромные енотовые кошки – бесхвостые, серые в черную полоску, почему их и называют енотовыми. Они дикие; они живут в лесной чаще и известны своей свирепостью. Случается, кто-нибудь принесет из лесу такого котенка, вырастит его дома, радуется и чуть ли не гордится своей победой, но енотовая кошка редко когда становится хотя бы в какой-то степени ручной. С ними держи ухо востро – того и гляди искусают, издерут когтями. Происходят они, безусловно, с острова Мэн в Англии, и даже если их скрещивать с домашними, потомство все равно получается бесхвостое. Существует предание, будто прародителей енотовой кошки завез на Олений остров капитан одного корабля и они скоро здесь одичали. Откуда же у них такие размеры? Мне приходилось видеть кошек с острова Мэн, но здешние в два раза больше любой из них. Может быть, они породнились с рысью? Не знаю. И никто этого не знает.

В гавани Стоунингтона вытаскивали из воды на зимнее хранение моторки и лодки. И не только здесь, но и в соседних бухточках есть большие садки, где копошатся темнопанцирные омары из здешних темных вод, считающиеся лучшими в мире. Мисс Брейс заказала три штуки – не больше чем на полтора фунта, пояснила она, и в тот же вечер их качество не оставило во мне ни малейших сомнений. Таких омаров больше нигде не найдешь: вареные, без всяких изысканных приправ, кроме растопленного сливочного масла и лимонного сока, они не знают себе равных. Но вдали от своих темных нор эти омары уже не такие вкусные, даже если их перевозят живыми по морю или на самолете.

В одной совершенно замечательной лавке в Стоунингтоне, торгующей скобяным товаром и судовым инвентарем, я купил для Росинанта керосиновую лампу с жестяным отражателем. Меня все мучили опасения – а вдруг бутан выйдет, как тогда читать лежа в постели? Новую лампу я привинтил над диваном, подровнял фитиль, чтобы он горел золотой бабочкой. И в поездке часто зажигал ее не только для освещения, но и ради тепла и цвета ее огонька. Это была точно такая лампа, какие горели в каждой комнате того ранчо, где прошло мое детство. Более приятного освещения еще никто не придумал, хотя старики утверждают, будто китовый жир горит красивее.

Я доказал свою неспособность описать Олений остров. Есть в нем нечто такое, что отгораживается от слова. Но это «нечто» остается с вами, и мало того, когда вы уедете оттуда, к вам вдруг начнет возвращаться многое, чего вы как будто и не замечали раньше. Одно мне запомнилось особенно ясно. Может быть, дело тут в причудах освещения, в осенней прозрачности воздуха? Все на этом острове вырисовывалось рельефом, не сливаясь с остальным, будь то скала, или оглаженное прибоем бревно на отмели, или линия крыши. Каждая сосна стояла сама по себе, особливо, хотя она была частью леса. А если натянуть сравнение до предела, нельзя ли сказать то же самое и о людях? Могу засвидетельствовать: столь ярких индивидуалистов я больше никогда не встречал. Не дай бог, если б пришлось заставить их сделать что-нибудь такое, что им не по нутру. Я наслушался много всяких рассказов об Оленьем острове и получил много лаконичных советов. Приведу здесь только одно напутствие, выслушанное от коренного обитателя штата Мэн, имя которого я не назову во избежание неприятностей для него.

– Никогда не спрашивайте дорогу у жителей Мэна, – было сказано мне.

¹¹ в средневековых рыцарских романах – сказочный остров, который возникал лишь в тех случаях, когда фее Моргане нужно было спасти короля Артура

– Это почему?

– А нам кажется, что направить человека в обратную сторону очень смешно. Мы это делаем на полном серьезе, а внутренне хохочем. Такой уж у нас характер.

Не знаю, правду ли он говорил. И проверить это не смогу, потому что я хоть и много плутаю, но по собственной милости, без всякой помощи со стороны.

До сих пор я все похваливал своего Росинанта и отзывался о нем даже с нежностью, а о самом пикапе, на котором установлен крытый кузов, не сказал ни слова. Это была новая модель с V-образным шестицилиндровым мотором, автоматической трансмиссией и мощным генератором для освещения кабины, если понадобится. Охлаждающая система была так заполнена антифризом, что могла бы выдержать полярную стужу. По-моему, американские легковые машины выпускаются с расчетом на быстрый износ, чтобы их поскорее заменяли новыми. О грузовых этого не скажешь. Водителям грузовиков важнее, чем владельцам лимузинов, чтобы их машины, с гораздо большей дальностью пробега, служили им хорошую службу. Их не ослепишь отделкой, всякими финтифлюшками и штучками-дрючками, и, кроме того, им не требуется каждый год покупать новую модель, чтобы поддержать свой престиж в обществе. В моем пикапе все было сделано в расчете на долгую службу. Рама была прочная, из отличной стали, мотор большой, сильный. Я, конечно, хорошо обращался со своим пикапом, не забывал менять масло в агрегате, вовремя смазывал детали, не гнал его на предельных скоростях и не заставлял выделять всякие акробатические трюки, которые требуются от спортивных машин. Кабина у меня была с двойной стенкой и с хорошим нагревательным прибором. Когда я вернулся домой, проделав на этой машине больше десяти тысяч миль, ее мотор только-только успел прирабатываться. И за все путешествие он ни разу у меня не отказал, карбюратор ни разу не вышел из строя.

Я ехал вдоль побережья штата Мэн, через Миллбридж и Аддисон, Макиас, и Перри, и Саут-Роббинстон, пока побережье не кончилось. Я не знал, а может, знал да забыл, как далеко на север, словно утыкаясь пальцем в Канаду, вдается штат Мэн. Плохо мы знаем географию нашей страны. Ведь Мэн поднимается к провинции Нью-Брансуик, почти до устья реки Святого Лаврентия, а его верхняя граница проходит миль на сто севернее Квебека.

И еще одно обстоятельство благополучно вылетело у меня из памяти – необъятность Америки. По мере того как я двигался на север через маленькие городки и леса, тянувшиеся здесь до самого горизонта, осень с непомерной быстротой перешла в следующее время года. Может быть, это объяснялось тем, что я отдалялся от направляющей руки океана или забирал уж слишком далеко на север. У домишек, попадавшихся мне навстречу, был такой вид, будто они сдались на милость снегам и стоят раздавленные ими, согбенные под тяжестью многих зим, покинутые людьми. Все говорило о том, что когда-то эти сельские места были заселены, люди жили здесь, обрабатывали землю, а потом их что-то вытеснило отсюда. Леса снова надвигались на здешний край, и там, где раньше проезжали только фермерские фургоны, теперь грохотали огромные машины, груженные бревнами. И зверье тоже возвращалось на свои прежние места; олени забредали на шоссе, попадались здесь и следы медведя.

Есть у нас порядки, обычаи, мифы, новшества и перемены, которые входят составными частями в структуру Америки. И я намерен обсуждать их здесь в той последовательности, в какой они попадали в сферу моего внимания. А от вас требуется, чтобы вы тем временем рисовали себе мысленно, как я ковыляю в своем Росинанте по какой-нибудь узкой лесной дороге или останавливаюсь на ночь у моста, или варю в кастрюле большую порцию солонины с бобами лима. И первую нашу беседу придется посвятить охотничьим делам. Я не мог бы избежать этой темы даже при самом большом желании, потому что открытие охотничьего сезона дырявит здесь вспышками выстрелов всю осень. Мы унаследовали немало всяких понятий от наших не таких уж дальних предков-пионеров, которые вступали в единоборство с этим континентом, точно Иаков с ангелом, и выходили победителями из борьбы. От них нам досталось убежде-

ние, будто американцы, все как один, прирожденные охотники. И вот каждую осень множество людей берется доказывать, что, не имея ни таланта, ни навыков, ни знаний, ни практики, можно без промаха палить из ружья и винтовки. Последствия этого ужасны. С той минуты, как я выехал из Сэг-Харбора, перелетных уток били напропалую, а в лесах Мэна шла такая винтовочная стрельба, что в былое время она обратила бы в бегство любые отряды английских солдат, если б, конечно, они не знали, что происходит. После таких моих высказываний меня, чего доброго, обзовут горе-спортсменом, но позвольте мне сразу же уточнить: я вовсе не против убоя зверей. Ведь от чего-то они должны погибать. В юности я, бывало, мог проползти на животе несколько миль, не боясь леденящего ветра, только ради того, чтобы с наслаждением всадить заряд дроби в болотную курочку, которая, даже вымоченная в соленой воде, почти несъедобна. Оленина, медвежатина, лосятина – этим меня особенно не соблазнишь, у них хороша только печенка. Для приготовления вкусных блюд из оленины существует столько всяких рецептов, в нее столько всего добавляют – и вина и разных трав, что с такой приправой и старый башмак покажется лакомством. Если меня замучает голод, я с превеликим удовольствием пойду охотиться на все бегающее, ползающее и летающее, не исключая и близких родственников, и буду рвать свою добычу зубами. Но не голод гонит каждую осень миллионы американцев в леса и горы, как показывают частые случаи инфарктов у охотников. Принято думать, неизвестно почему, будто охота как-то связана с проявлением мужского начала в человеке. Я знаю, что у нас есть довольно много хороших, опытных охотников, понимающих свое дело, но кроме них – и таких большинство, – на охоту ездят тучные джентльмены, пропитанные виски и вооруженные огнестрельным оружием большой убойной силы. Они стреляют по всему, что движется или вот-вот двинется, и их успехи в убиении друг друга служат прекрасной гарантией против перенаселенности нашей страны. Если бы несчастные случаи ограничивались попаданиями в себе подобных, это еще было бы полбеды, но истреблению подвергаются коровы, свиньи, фермеры, собаки, дорожные указатели, и поэтому осень становится опасным временем года для путешественников. Один фермер из северной части штата Нью-Йорк большими черными буквами намалевал на боках своей белой скотинки «Корова», и тем не менее охотники ее подстрелили. Когда я проезжал штат Висконсин, один охотничек всадил своему собственному проводнику пулю между лопатками. Следовательно, допрашивавший этого Нимврода¹², задавал ему такие вопросы.

– Вам показалось, что это олень?

– Вот именно, сэр.

– Но вы не были уверены, что это олень?

– Да как сказать... Пожалуй, нет, сэр.

Огневой вал, бушующий в Мэне, не мог не внушать мне опасений за мою жизнь. В день открытия охотничьего сезона от пуль пострадали четыре автомобиля, но больше всего я боялся за Чарли. Такие охотнички легко могли принять пуделя за оленя, значит, надо было придумать какой-то способ, чтобы обезопасить его. В Росинанте нашлась пачка красных бумажных салфеток «Клинекс», подаренных мне кем-то в дорогу. Я обернул красным хвост Чарли, а поверху закрепил круглой резинкой. Каждое утро этот флажок обновлялся, и пока мы не очутились на Западе, Чарли так и бегал с ним среди свиста и жужжания пуль. Я рассказываю об этом не для смеху. По радио предупреждали, что пользоваться белыми носовыми платками небезопасно. Слишком часто охотники, увидев мелькание чего-то белого, принимали это за хвост скачущего оленя и с одного выстрела навсегда излечивали человека от насморка.

Впрочем, в таком наследии, полученном нами от первых поселенцев, нет ничего нового. Когда я мальчишкой жил на ранчо под Салинасом в Калифорнии, у нас был повар-китаец Ли, который хоть и скромно, но все же подрабатывал каждый охотничий сезон. На пригорке

¹² библейский персонаж, занимавшийся звероловством

недалеко от нашего дома лежала поваленная сикомора, опиравшаяся на две сломанные ветки. Ли заинтересовался этой колодой, когда обнаружил на ее желтоватой пятнистой коре дырки от пуль. Он прибил к ней с одной стороны оленьи рога и удалился в свой домишко до конца охоты. А потом собрал со старой сикоморы урожай свинца. Бывали сезоны, когда ему удавалось пожинать фунтов по пятьдесят-шестьдесят. Не бог весть какое было богатство, но все-таки заработок. Года через два, после того как сикомору окончательно изрешетили пулями, Ли положил на то место четыре кулька с песком и к ним приделал те же рога. Собирать урожай свинца стало еще легче. Если бы кульков было не четыре, а все пятьдесят, Ли нажил бы целое состояние, но, как человек скромный, он не стремился к массовому производству.

Штату Мэн, казалось, не будет конца. Такое же чувство, вероятно, было у нашего полярного исследователя Пири, когда он шел и шел, думая, что приближается к Северному полюсу. Но мне хотелось повидать Арустукский округ, большой округ в северной части Мэна. В Америке есть три обширных района, где выращивают картофель, – Айдахо, Саффолкский округ на Лонг-Айленде и Арустук в штате Мэн. Я много всего наслышался об Арустукском округе, но таких, кто бы побывал там, никогда не встречал. Мне говорили, что картофель в Арустукке собирают после копки французы – жители Канады и что они толпами пересекают границу во время уборки урожая. Мой путь лежал сквозь бесконечные леса, мимо множества еще не замерзших озер. Я старался по мере возможности выбирать узкие лесные дороги, а на них особенной скорости не разовьешь. Температура поднималась, зарядили дожди, и леса горько плакали. Чарли у меня не успевал просохнуть, и от него так несло, будто он заплесневел. Небеса были цвета мокрого алюминия, и солнце даже не проглядывало сквозь этот полупрозрачный щит, так что я почти не мог ориентироваться. Извилистая дорога могла уводить меня и на восток, и на запад, и на юг вместо севера. Эти старые басни насчет того, что мох будто бы растет на деревьях с северной стороны ствола, подводили меня, когда я был еще бойскаутом. Мох растет там, где тень, а затененной может быть любая сторона. Я решил купить компас в ближайшем же городе, но никаких «ближайших» городов на этих дорогах и в помине не было. На землю спускалась темнота, дождь барабанил по стальной крыше кабины, и скребки на ветровом стекле обливались слезами, описывая полукруг за полукругом. Высокие темные деревья с двух сторон надвигались на щебенку. Казалось, прошли долгие часы с тех пор, как мне встретила последняя машина или хоть придорожная лавка, хоть дом, ибо эти места снова отдались во власть лесов. Чувство одиночества охватило меня – одиночества такого безысходного, что оно нагоняло страх. Чарли, мокрый, дрожащий, свернулся в своем уголке рядом со мной, предоставив меня самому себе. Я остановил Росинанта, не доезжая бетонного моста, но так и не мог выровнять его на покато́й обочине.

Даже в домике у меня было неуютно и сыро. Я вывернул газовую горелку до отказа, зажег керосиновую лампу и две конфорки на плите, чтобы хоть как-нибудь рассеять чувство одиночества. По металлической крыше Росинанта стучал дождь. Что я ни доставал из своих припасов, все казалось мне несъедобным. Стало совсем темно, и деревья еще ближе подступили к машине. Сквозь дробный стук дождя мне слышались какие-то голоса, точно где-то за сценой гудели и глухо роптали людские толпы. Чарли было явно не по себе. Он не влаивал, но то и дело принимался ворчать и тревожно поскуливать, что на него совсем не похоже, и отказался от ужина и не притронулся к воде – это он-то, который должен ежедневно выпивать количество жидкости, равное его весу, чтобы восполнить ее расход! Я окончательно покорился тоске, сделал себе два сэндвича с арахисовым маслом, лег в постель и принялся за письма, оделяя своим одиночеством всех, к кому адресовался.

Вскоре дождь кончился, стала слышна капель с деревьев, и я сам наплодил вокруг себя целое племя тайно грозящих мне опасностей. Да, населять тьму всякими ужасами – это мы умеем! Мы – такие просвещенные, уверенные в себе и признающие только то, что можно измерить и взвесить. Я знал совершенно твердо: темное, наседающее на меня, либо не существует,

либо не представляет никакой опасности, и все-таки мне было жутко. Какими же страшными казались ночи в те времена, когда люди верили, что темные силы есть на самом деле и что от них не спасешься. Впрочем, нет, это не так. Если б я знал, что такие силы существуют, у меня были бы против них и оружие, и заклятия, и молитвы, и сговор с силами, столь же могущественными и готовыми принять мою сторону. А когда знаешь, что ничего такого нет, то чувствуешь себя беззащитным и боишься еще больше.

Много лет назад я купил маленькую ферму в горах Санта-Крус, в Калифорнии. И там в лесу было настоящее заколдованное озеро с темной родниковой водой, над которым смыкали вершины гигантские земляничные деревья. Если есть где на свете заколдованное место, то тут-то оно и было: сумеречный свет, едва пробивающийся сквозь листву, обманчивая перспектива... У меня тогда работал один горец с Филиппин, небольшого роста, смуглый, молчаливый, по национальности, вероятно, маори. Как-то раз, подумав, что слуга мой того племени, которое считает невидимое частью действительности, я спросил его, не боится ли он проходить мимо заколдованного места в лесу, особенно по ночам. Он сказал, что нет, не боится, потому что один знахарь давным-давно дал ему средство от злых духов.

– Покажи, какое, – попросил я.

– Это заклятье, – ответил он. – Надо говорить слова.

– А мне ты можешь их сказать?

– Могу. – И он затянул нараспев: – *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti*¹³.

– А что эти слова значат? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Не знаю. Это от злых духов, и я их больше не боюсь.

Я отсеял смысл нашей беседы от путаницы ломаных испанских фраз, но про заговор это все точно, и действовал он у него исправно.

Лежа в постели той плачущей ночью, я изо всех сил старался читать, чтобы отвлечься от тоскливых мыслей, но в то время как глаза мои скользили по строчкам, мозг прислушивался к ночи. На грани сна я вдруг вздрогнул от нового звука – звука крадущихся, как мне показалось, шагов по щепенке. На кровати, у меня под рукой, лежал двухфутовый электрический фонарь, с каким охотятся на енота. Его ослепительного луча хватает по крайней мере на целую милю. Я встал, снял со стены ружье и, стоя в дверях Росинанта, снова прислушался. Шаги приближались. Тут Чарли издал свой предостерегающий рык, я распахнул дверь и залил всю дорогу светом. В нескольких шагах от меня стоял человек в резиновых сапогах и желтом дождевике. Мой фонарь пригвоздил его к месту.

– Что вам надо? – крикнул я.

У него, наверно, захватило дух с перепугу, потому что ответил он не сразу.

– Я иду к себе домой. Я живу здесь неподалеку.

И тут я почувствовал всю глупость, всю нелепость того, что наворотило мое воображение за последние часы.

– Не зайдете ли выпить чашку кофе или чего-нибудь покрепче?

– Нет, время позднее. Если вы перестанете спать мне глаза, я пойду дальше.

Я тут же щелкнул выключателем, и человек исчез в темноте, до меня донесся только его голос:

– А собственно говоря, вы-то сами что здесь делаете?

– Ночую, – ответил я. – Остановился на ночевку. – И, едва добравшись до постели, уснул.

Когда я проснулся, солнце уже взошло и мир сверкал, будто переделанный заново. Мир бывает столько же, сколько обликов у дня, и как у опала сегодня совсем другой цвет и другой

¹³ Во имя Отца и Сына и Святого духа (лат.)

огонек, чем вчера, ибо день дню рознь, так меняюсь и я. Ночные страхи и чувство одиночества ушли куда-то далеко и почти не вспоминались.

Даже Росинант, грязный, засыпанный сосновыми иглами, на радостях весело прядал по щебенке. Теперь леса и озера вдоль дороги перемежались полями с рыхлой, рассыпчатой почвой, которую так любит картошка. Навстречу то и дело попадались грузовые платформы, уставленные пустыми бочками под картофель, а механическая картофелекопалка выворачивала из земли длинные ряды бледно-желтых клубней.

В испанском языке есть слово, которое я затрудняюсь точно перевести на английский. Это глагол «*vasilar*», существительное «*vasilador*». *Vasilar* – значит идти куда-то, не очень заботясь о том, дойдешь ли до намеченной цели, хотя путь твой лежит в том направлении. В такого *vasilador*'а часто превращался мой друг Джек Вагнер. Скажем, вздумается ему погулять по улицам Мехико-Сити, но не просто так, лишь бы пошляться, а как бы по делу, и мы придумывали какую-нибудь вещь, зная заранее, что ее в магазинах почти наверняка не сыщешь, и рыскали за ней по всему городу.

Мне хотелось для начала забраться под самый конец кровли штата Мэн, а оттуда повернуть на запад. Это придавало видимость плана моему путешествию, а в жизни все должно строиться по плану, ибо иного построения разум человеческий не приемлет. Кроме плана должна быть и цель, ибо бесцельных действий совесть человеческая страшится. Штат Мэн входил в план моей поездки, а целью ее был картофель. Если б я не увидел там ни одной картофелины, это не поколебало бы моего статуса *vasilador*'а. Но вышло так, что я столько ее повидал, этой картошки, что больше некуда. Передо мной предстали горы, океаны картофеля – такое его количество, что, казалось, населению земного шара не съесть этого и за сотню лет.

Я за свою жизнь много встречал по стране разного кочевого люда – индейцев, филиппинцев, мексиканцев, оки, – выезжающего из своих штатов на уборку урожая. Здесь, в Мэне, больше всего было французских канадцев, пересекших границу на время копки картофеля. Мне пришло в голову сравнение: Карфаген вел свои войны руками наемных солдат, а мы, американцы, призываем наемников на тяжелую и черную работу. Надеюсь, не настанет такой день, когда нас возьмут в полон народы не настолько спесивые, или обленившиеся, или изнеженные, чтобы склоняться к земле и подбирать с нее то, что мы едим.

Французские канадцы были народ кряжистый. Они разъезжали и разбивали лагерь семьями, а то и по несколько семей сразу – может быть, целыми кланами: мужчины, женщины, юноши, девушки и даже ребятишки. Единственные, кто не собирал картофеля и не укладывал его в тару, – это грудные младенцы. Американцы же подкатывали на машинах и грузили на них набитые доверху бочки, орудуя лебедками и чем-то вроде кранов-укосин. Потом развозили урожай по овощехранилищам, до самого верху засыпанным снаружи землей, чтобы картофель не промерзал.

Знанием канадско-французского языка я обязан кинофильмам, чаще всего с участием популярных актеров Нелсона Эдди и Дженетт Макдональд, и оно сводится главным образом к употреблению восклицания: «Клянусь честью!» Как ни странно, но мне ни разу не пришлось слышать, чтобы кто-нибудь из этих сборщиков картофеля воскликнул: «Клянусь честью!», а ведь они, наверно, тоже видели те фильмы и, следовательно, знают, как надо говорить. Женщины и девушки ходили в брюках, большей частью вельветовых, и толстых свитерах, а голову повязывали пестрыми платками, защищая волосы от пыли, поднимающейся с полей при малейшем ветерке. Чаще всего эти люди ездили на больших грузовиках с брезентовым верхом, но попадались и прицепы, и автофургоны вроде моего Росинанта. На ночь кто устраивался спать в грузовиках и прицепах, кто разбивал палатки в живописных местах, и ароматы, исходившие от их костров, на которых они готовили ужин, свидетельствовали о том, что эти люди не утратили присущего французскому гению искусства варить суп.

К счастью, несколько таких палаток и грузовиков и два прицепа расположились на берегу прелестного чистого озера. Я остановил своего Росинанта в девяносто пяти ярдах от них, но тоже у самой воды. Потом поставил кофейник на огонь, вынес белье, которое тряслось в мусорном ведре уже два дня, и выполоскал его в озере. Неисповедимы пути, коими зарождается в нас то или иное отношение к незнакомцам! Я стоял с подветренной стороны от лагеря канадцев, и до меня доносился запах их супа. Кто мог знать, что это была за публика – может, убийцы, садисты, изверги, обезьяноподобные выродки, – но я ловил себя на мысли: «Какие симпатичные люди! Как великолепно держатся! Все красавцы, как на подбор! Вот бы с кем подружиться!» И все это лишь потому, что очень уж вкусно пахло супом.

Когда мне надо войти в общение с незнакомыми людьми, роль моего посла возлагается на Чарли. Я даю ему свободу, и его сразу же несет к нужному объекту, вернее, к тому, что этот объект готовит себе на ужин. Затем я иду за ним, чтобы он не надоедал моим соседям – *et voila!*¹⁴ Ребенок в таких случаях тоже годится, но собака надежнее.

Все и тут сошло как нельзя глаже, что неудивительно, когда сценарий хорошо отработан и прорепетирован. Я выпустил своего посла, а сам сел кофейничать, давая ему время выполнить все, что от него требовалось. Потом не спеша отправился к канадцам, чтобы избавить их от своей злосчастной собачонки. В лагере было двенадцать человек, не считая детей, на вид народ славный. Три девушки – прехорошенькие и смешливые; две беременные матроны, а третья и вовсе на сносях; старик патриархальной внешности, два зятя и несколько молодцов, которые явно метили в зятя. Но делами их, при всем уважении к патриарху, ведал курчавый брюнет лет тридцати пяти, статный, широкоплечий, легкий в движениях, с девичьим цветом лица – кровь с молоком.

Собака никому не помешала, сказал их вожак. Они даже говорили между собой: какая красавица! Я, хозяин, разумеется, отношусь к своей собаке с пристрастием, несмотря на некоторые присущие ей недостатки, но у нее есть одно преимущество по сравнению со многими другими псами: она родилась и выросла во Франции.

Меня обступили со всех сторон. Красотки тут же прыснули, но их немедленно привел в чувство взгляд темно-голубых глаз вожака, поддержанный шипением патриарха.

Да не может быть! И где именно во Франции? В Берси, на окраине Парижа. Им известно это местечко?

Увы! Они никогда не были в стране отцов.

Ну, еще побывают, это дело поправимое.

Как же они сами не догадались, что Чарли – француз, это по его манерам видно! А мой *roulette*¹⁵ им очень понравился.

Да, он не бог весть что, но очень удобный. Если кто пожелает, я буду рад показать его.

Как это любезно с моей стороны! Они с удовольствием воспользуются приглашением.

Если возвышенный тон нашей беседы натолкнет вас на мысль, что она велась по-французски, вы ошибаетесь. Вожак говорил на чистом, правильном английском языке. Единственное французское слово в его речи было «*roulotte*». Реплики в сторону подавались на канадско-французском диалекте. Что же касается моего французского, то он вообще немыслим. Нет, возвышенный тон беседы был неотъемлемой частью той перемены, которая сопутствует завязыванию знакомства. Я подозревал Чарли. Итак, можно ли ждать гостей к себе после ужина, который, судя по запахам, готовится у них на костре?

Они сочтут за честь.

Я навел порядок у себя в фургоне, разогрел и съел банку мяса по-чилийски с фасолью и перцем, проверил, холодное ли пиво, даже нарвал осенних листьев и поставил букет на стол в

¹⁴ здесь: «И вот, пожалуйста!» (франц.)

¹⁵ крытый фургон (франц.)

бутылке из-под молока. Рулон бумажных стаканчиков, взятый специально для таких okazji, в первый же день расплющило в Росинанте словарем, слетевшим с полки, но я заготовил некое подобие подстаканников из бумажных полотенец. Удивительное дело: сколько труда человек готов положить, чтобы получше принять гостей! Но вот Чарли рывкнул вместо приветствия, и я почувствовал себя хозяином в собственном доме. За мой столик могут кое-как сесть шесть человек, и шестеро их и село. Двое, кроме меня, остались на ногах, а открытую дверь украсила гирлянда из детских лиц. Гости мои были славный народ, но держались они несколько чопорно. Для взрослых я откупорил пиво, для аутсайдеров – лимонад.

Слово за слово эти люди кое-что порассказали о себе. Они ежегодно переезжают границу на время копки картофеля. Когда трудятся все поголовно, можно неплохо подработать к зиме. А иммиграционные власти не чинят им препятствий при въезде? Да нет, ничего. На время уборки, наверно, разрешаются кое-какие послабления, а кроме того, многое зависит от подрядчика, который все улаживает за небольшой процент с их заработка. Собственно, получает он не с них. Ему платят сами фермеры.

Я много повидал сезонных рабочих – разных оки, переселенцев из Мексики и негров. И где бы они мне ни попадались, в Нью-Джерси или на Лонг-Айленде, всюду за ними стоял подрядчик, который все улаживал за известную мзду. Было время, когда фермеры норовили привлечь гораздо больше рабочих рук, чем требовалось, чтобы снизить заработную плату. Теперь с этим как будто покончено, ибо правительственные агентства по найму пропускают ровно столько сельскохозяйственных рабочих, сколько нужно, и это обеспечивает им какой-то минимум заработной платы. А раньше бывало и так, что на кочевую жизнь и сезонную работу людей гнала нищета и жестокая нужда в заработке.

Моими гостями, конечно, никто не помыкал, и не нужда пригнала их сюда. Они обрели на зимнюю спячку свою собственную маленькую ферму в провинции Квебек и всем кланом перебрались через границу в расчете на то, что заработают денег про черный день. У них даже настроение было праздничное, как у английских сезонников, которые выезжают из Лондона и из городов центральной Англии на сбор хмеля и земляники. Они производили впечатление людей выносливых, независимых, людей, которые умеют постоять за себя.

Я откупорил еще несколько бутылок пива. После ночных приступов тоски было приятно чувствовать теплое отношение этих дружелюбных, хоть и не слишком доверчивых людей. Из артезианских глубин во мне вдруг забились добрые чувства, и я произнес небольшой спич на своем варварском французском языке.

Он начинался так:

– Messy dam. Je vous porte un cher souvenir de la belle France – en particulier du Departement de Charente¹⁶.

Они опешили, но явно заинтересовались. Потом Джон, их вожак, медленно перевел мой спич на грамматически правильный английский, а с него обратно на канадско-французский диалект.

– Шаранта? – переспросил он. – Почему Шаранта?

Я нагнулся, открыл шкафчик под раковиной и достал оттуда бутылку очень старого, почтенного коньяка, взятого в дорогу на случай свадеб, обморожений и сердечных приступов. Джон с благоговейным видом углубился в изучение ярлыка, точно набожный христианин, готовящийся приобщиться святых тайн. И в его голосе тоже послышался священный трепет.

¹⁶ Господа и дамы! Прошу вас принять дорогой дар прекрасной Франции – в частности, департамента Шаранты (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.